

Бсердъ
1/10/5
24

**ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ
ЗАПИСКИ,
ЖУРНАЛЪ,**

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСЛѢДОВАНИЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ
ПО ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРѢ ВООБЩЕ И СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ,
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРѢ ВЪ ОСОБЕННОСТИ—И ПО СЛА-
ВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. Хованскимъ.

годъ седьмой.

ВЫПУСКЪ III.

1868.

ВОРОНЕЖЪ.

Въ типографіи В. Гольдштейна.

СОДЕРЖАНІЕ III ВЪПУСКА.

НАРОДНЫЯ СУЕВѢРІЯ И ПОВѢРЬЯ.—Болѣзни по Славянскимъ преданіямъ.

А. Н. Аванасьева.

СОСТОЯНІЕ И ЗАДАЧИ ГРЕЧЕСКОЙ ЭТИМОЛОГІИ ПО КУРЦІУСУ.—Обзоръ этимологическихъ трудовъ извѣстныхъ филологовъ и лингвистовъ по сравнительному языкознанію.

М. Х. Григоревскаго.

БАСНИ КРЫЛОВА, КАКЪ НРАВСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ МАТЕРІАЛЪ. Рѣчь, читанная на юбилейномъ торжествѣ въ Воронежской Военной гимназіи.

Н. Ф. Бунакова.

ОБЪ ИДЕАЛѢ ВЪ ИСКУССТВѢ. Новый рядъ чтеній Г. Тэна. (Продолженіе.) Перев. А. Чудинова.

Вышли въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ ЛЕКЦІИ
МАКСА МЮЛЛЕРА, подъ заглавіемъ:

«**Наука о языкѣ**»,—новый рядъ чтеній
Макса Мюллера,—1-й выпускъ—**6 лекцій**,
въ переводѣ Д. Лавренка и Г. Кайзера 1868. **Цѣна**
1 р. 40 к. съ перес.

НАРОДНЫЯ СУЕВѢРІЯ И ПОВѢРЬЯ.

БОЛѢЗНИ ПО СЛАВЯНСКИМЪ ПРЕДАНИЯМЪ.

Болѣзни разсматривались нашими предками, какъ сопутницы и помощницы Смерти, а повальные и заразительныя прямо признавались за самую Смерть, и ни въ чемъ такъ ярко не выступаетъ стихійное значеніе этой древней богини, какъ въ народныхъ преданіяхъ и повѣрьяхъ о различныхъ недугахъ. Нѣмецкая легенда рассказываетъ, что одному юношѣ Смерть обѣщалась прежде, чѣмъ возьметъ его душу, прислать своихъ пословъ, и онъ зажилъ весело и разгульно, не помышляя о послѣднемъ концѣ. Но вотъ онъ состарился и за нимъ явилась Смерть. На упрекъ, что она не исполнила своего обѣщанія, Смерть отвѣчала: «какъ, я не посылала къ тебѣ моихъ пословъ? Развѣ не трясла тебя лихорадка, развѣ ты не чувствовалъ головокруженія, лома въ костяхъ, зубной боли, ослабленія зрѣнія и глухоты?» Славянскія названія болѣзней соединяютъ съ ними мысль о карающемъ божествѣ: *bogine*—бѣса, *boža gapa*—язва, чума, *božj bič* или *boža moč* (божья сила)—падучая, бѣшенство, *boža ruka*—параличъ; сравни нѣм. *der gotesslac*, *die gewalt gottes*, *die hand gottes* (*schlagfluss*, *apoplexia*)—названія, указывающія на быстрый, внезапный родъ смерти, въ противоположность тѣмъ болѣзнямъ, которыя сводятъ человека въ могилу только послѣ продолжительныхъ мученій. Въ русскихъ областныхъ говорахъ: божье или

божья немочь—падучая; божья—эпидемія («божья ходитъ»); одержимыхъ припадками бѣснованія и помѣшанныхъ называютъ божевольными и божегнѣвными, что свидѣтельствуегъ за древнѣйшее воззрѣніе на болѣзнь, какъ на божью волю и божій гнѣвъ. Индусы изгоняли прокаженныхъ изъ касты и лишали права владѣть собственностію, такъ какъ эти несчастные поражены «божымъ гнѣвомъ». Въ Европѣ долгое время вѣрили, что каждая язва есть заявленіе божественнаго гнѣва и требуетъ всенароднаго покаянія. Изувѣченныхъ и калѣкъ называютъ: убогіи, u b o g i t k o; малор. н е б о ж ч и к ъ, пол. n i e b o s z c z y k—покойникъ, т. е. какъ-бы отвергнутый свѣтлыми богами, постигнутый небесною карою.

Далѣе, мы имѣемъ положительныя свидѣтельства языка, что болѣзни причислялись нѣкогда къ сонму нечистыхъ духовъ. Областной словарь представляетъ тому обильные примѣры: стрѣлъ—чортъ и стрѣлы—колотье: «пострѣлъ бы тебя побралъ!» чѣморъ—дьяволъ («ноди ты къ чѣмору!») и чѣмеръ—спазмы въ животѣ или боль въ поясницѣ, а чѣмеръ—головокруженіе, страданіе живота и болѣзнь у лошади; игрѣць—истерическій припадокъ, кликушество и дьяволъ; худоба—сухотка, истощенность, худобищѣ—конвульсіи въ тяжелой болѣзни, худая (дурная) боль—сифилисъ, сибир. «въ худыхъ душахъ»—при смерти и худой—злой бѣсъ; черная немочь (не-мощь=не-дугъ; мощный и дюжій—сильный, здоровый)—параличъ, черна—скотская чума, черная смерть—моръ, опустошавшій русскую землю въ 1352 году (при Симеонѣ Гордомъ), и черныи—эпитетъ нечистаго духа, черныи шутъ—дьяволъ; лядѣть—долго хворать, лядить—томиться, изнывать, хирѣть, лядѣщій—безсильный, больной, негодный и лядъ—чортъ: «ну те къ ляду!» У бѣлоруссовъ лядѣщикъ—духъ, причиняющій людямъ порчу: «лядѣщикъ перелецѣу яму», т. е. онъ сталъ полоумнымъ, съумасшедшимъ; сравни

бѣсъ, бѣснующійся, бѣшенство и чешск. *běsný pes* (бѣшеная собака). Входя въ челоуѣка или животное, демонъ поражаетъ въ немъ болѣзненные припадки и безумную ярость; подобное-же дѣйствіе, производимое ядовитыми растеніями, также приписывалось демонамъ: *euphorbia* называется у Славянъ—бѣсово молоко, у нѣмцевъ *teufelsmilch*, *atropa belladonna*—бѣшеная вишня и т. д. *Vorogusha*—лихорадка и врагъ (ворогъ)—дьяволъ; *liхой*—злой духъ и болѣзнь у лошадей, старинное *лихновъць* (въ Свято-славовомъ Изборникѣ)—сатана, *лихо-радка* (лихо-манка, лихо-дѣйка), *лихота*—нездоровье, немощь, *лиховать*—быть нездоровымъ, чувствовать тошноту; *тошнута*—болѣть, *скучать* и *тошная*—нечистая сила; *шатунъ*—чортъ и *шатъ*—обморокъ, головокруженіе, болѣзнь у собакъ; *вологод*. «тяжкая припда» т. е. посетила болѣзнь и *тяжкунъ* или *тяжкой* въ значеніи дьявола; *икота* (икотка)—болѣзненный припадокъ и челоуѣкъ, одержимый бѣсомъ, *икотница*—страдающая икотою; *притка*—падучая и всякій неожиданный, нечаянно-приключившійся недугъ («чтобъ тебя разопритчило!» «мнѣ на такомъ-то мѣстѣ попритчилось!»), а слѣдующія выраженія: «экъ ця притка принесла!» «притка его вѣдать, откуда онъ!» указываютъ на демона; сравни: «кой чортъ тебя принесъ!» «чортъ его вѣдаетъ!» *Лишай*—гнойный струпъ на головѣ и дьяволъ. Тѣсная связь нечистой силы съ болѣзнями, ослабляющими тѣло челоуѣческое, подтверждается и слѣдующими названіями: *обломъ* (отъ *ломать*)—дьяволъ, домовой; *костоломъ* и *кожедѣръ*—злой челоуѣкъ, лѣшій, чортъ; въ числѣ болѣзненныхъ ощущеній извѣстенъ и *ломъ* въ костяхъ.

Въ апокрифической статьѣ «Свитокъ божественныхъ книгъ» повѣствуется, что Господь, создавши тѣло перваго челоуѣка, «поиде на небеса по душу Адамову; сатана же не вѣдая, что ему сотворити, и тну тѣло Адамово перстомъ. И прииде Господь ко своему

созданію, и видѣ тѣло Адамово и рече: о дьяволе! что ты сотворилъ? Огвѣщавъ же дьяволъ: Господи! забудеть тебя сей человѣкъ; (но) еще у него что заболитъ, тогда Господа вспомняетъ. И Господь обрати (болѣзнь) Адаму внутрь, и оттого во всякомъ человѣцѣ... болѣзнь сотвори сатана; еще у кого поболитъ, тогда и вздохнетъ о Господѣ: помилуй мя!». Въ другомъ апокрифѣ—въ «Сказаніи, како сотвори Богъ Адама» читаемъ: создалъ Богъ перваго человѣка изъ восьми частей, «и поиде очи «имати отъ солища и остави Адама единого лежаща на «земли. Прииде же окаянный сатана ко Адаму и измаза «его каломъ и тиномъ и възгрями. И прииде Господь ко «Адаму и восхотѣ очи вложить, и видѣ его мужа изма- «занна, и разгнѣвася Господь на дьявола и нача глаго- «лати: окаянне дьяволе, проклятый! не достоинъ ли твоя «погибель? что ради человѣку сему сотворилъ еси на- «кость—измаза его? и проклять ты буди! И дьяволъ «и счезе, аки молнія, сквозь землю отъ лица Гос- «подня. Господь же снемъ съ него пакости сата- «нины и смѣсивъ со Адамовыми слезами, и въ «томъ сотвори собаку, и постави собаку и по- «велъ стрещи ѿ Адама, а самъ отыде въ горній Іеруса- «лимъ по дыханіе Адамлево. И прииде вторые сатана и «восхотѣ на Адама напустити злую скверну, и видѣ со- «баку при ногахъ Адамлевыхъ лежащу и убояся вельми «сатана. Собака начала зло даяти на дьявола; окаянный «же сатана вземъ древо и истыка всего человѣка «Адама, и сотвори ему 70 недуговъ.» Богъ милосер- «довалъ обѣ Адамѣ, прогналъ сатану и обратилъ всѣ не- «дуги внутрь человѣческаго тѣла. Въ народной легендѣ о «сотвореніи міра и потопѣ сказано, что сабака первона- «чально была создана голою и что дьяволъ соблазнилъ ее, «угрожая зимними морозами и обѣщая ей теплую шубу «(т. е. шерсть); собака подпустила дьявола къ первосоз- «данному человѣческому тѣлу, а тотъ оплевалъ и охар- «калъ его. Въ связи съ этими апокрифическими сказаніи- «ми должна быть поставлена и повѣсть о скверномъ бѣсѣ, «занесенная въ раскольничьи рукописи и на лубочную

картину. Нѣкій святой старецъ увидѣлъ въ пустынѣ бѣса, отъ головы до ногъ оскверненнаго блуднымъ гноемъ. «И рече ему старецъ: да почто не омылся еси въ рѣцѣ или въ источникѣ? Онъ же рече: не велитъ ми вышній Богъ... повелѣваетъ ангелу водному отгоняти насъ; онъ же оружіемъ огненнымъ прогоняя(-етъ) насъ. Старецъ рече ему: да гдѣ можешь измыться? Бѣсъ рече: поиду въ христіанскіе дома, и гдѣ обрящу сосуды непокровенны, ту вниду и измыюся; они же послѣ мене примутъ болѣзни тяжкіи—и кашлеве, трясавицы, и иныя скорби.» Сосудовъ и кринокъ съ нанитками и кушаньями не совѣтуютъ оставлять непокрытыми, опасаясь, чтобы нечистая сила не осквернила ихъ; если нечѣмъ покрыть, то должно, по крайней мѣрѣ, перекрестить, или положить сверху двѣ лучины накрестъ. Народная легенда рассказываетъ о чортѣ, который засѣлъ въ кувшинъ съ водою, оставленный на ночь безъ этихъ предосторожностей. По ночамъ, такъ какъ въ это время злые духи бываютъ особенно-дѣятельны, не слѣдуетъ пить воды, тѣмъ болѣе не благословясь, иначе наживешь «водяную».

Итакъ болѣзнь есть дѣло враждебнаго демона: нападая на человѣка, онъ касается его своею рукою, наноситъ ему гнойныя раны, оскверняетъ его тѣло нарывами, вередями, сыпями, нерѣдко даже поселяется въ немъ, грызетъ и мучитъ его различными мѣками. Вѣрованіе это принадлежитъ глубочайшей древности и встрѣчается у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. По мнѣнію Индусовъ, всякая зараза и смертность насылались на людей и стада Вритрою и подвластными ему демонами; зендская отрасль арійскаго племени приписывала созданіе болѣзней Ариману. Atharva-Веда олицетворяетъ дихорадочный недугъ (такманъ); его проклинаятъ, гонятъ, вызываютъ изъ страждущаго тѣла, и когда ничто не помогаетъ, то кланяются ему, какъ божеству, и молятъ, чтобы онъ пощадилъ больного или поискалъ себѣ иного нечестиваго человѣка. Силою чародѣйныхъ заклятій колдуны могли не только изгонять болѣзни (amivá), но и напускать ихъ

на своихъ враговъ. Гомеръ приписываетъ тяжкіе недуги прикосновенію злаго демона; и въ античномъ мірѣ, и въ средніе вѣка умопомѣшательство и падучую болѣзнь объясняли нападеніемъ нечистаго духа. Относительно Славянъ подобное воззрѣніе на болѣзни засвидѣтельствовано еще Несторомъ. Разсказывая о Святополкѣ (подъ 1019 годомъ), лѣтописецъ выражается такъ— «и бѣжашу ему, нападе на-нъ бѣсъ—и разслабѣша кости его, не можаше сѣлѣти (на конѣ), и несяхуть ѣ на носилѣхъ. Принесоша ѣ къ Берестю, бѣгающе съ нимъ; онъ же глаголаше: побѣгните со мною, женуть по насъ! Отроки же его всылаху противу: «еда кто женеть по насъ?» и не бѣ никого-же въ слѣдъ гонящаго, и бѣжаху съ нимъ; онъ же, въ немощи лежа, въскопивъся глаголаше: о се женуть, побѣгните! Не можаше терпѣти на единомъ мѣстѣ, и пробѣжа лядскую землю, гонимъ, божьимъ гнѣвомъ, прибѣжа въ пустыню межю ляхы и чехы—испроверже злѣе животь свой». Въ лѣтописи сообщено преданіе о дьяволѣ, который, бросая въ иноковъ цвѣтокъ, приводилъ ихъ въ разслабленіе. По свидѣтельству народныхъ сказокъ, бѣсъ, поселяясь въ женъ и дѣвъ, отымаетъ у нихъ умъ, слухъ, зрѣніе, повергаетъ ихъ въ бѣшеное, изступленное состояніе и заставляетъ испытывать самыя мучительныя страданія. Въ официальномъ показаніи Шуйнъ 1666 года читаемъ: «То намъ вѣдомо: Шуй посаду Яковъ Григорьевъ скорбѣлъ и костою и внѣ ума былъ весь и всячески отъ нечистаго духа... а Василей Несмѣяновъ скорбѣлъ отъ нападенія нечистаго духа, и его исцѣлила Пресвятая Богородица, какъ сталъ молебствовать. А про Иванову жену, Елизарьева сына Ожималова, Марѳу слышали мы отъ сосѣдей, что она одержима была нечистымъ духомъ, и ее исцѣлила Пресв. Богородица въ церкви на праздникъ своемъ—въ литургію, въ большой выходъ; и она нынѣ здрава стала, а скорбѣла трои сутки». Въ 1670 году Шуйне подали новую сказку, въ которой заявили: «пріѣзжаютъ въ Шую къ чудотворному образу Пресв. Богородицы Смоленскія со многихъ

городовъ и уѣздовъ всякихъ чиновъ люди молятся мужескій и женскій и дѣвичъ полъ, и тѣ иногородные люди привозятъ съ собою различными скорбми одержимыхъ отъ нечистыхъ духовъ мужескій и женскій и дѣвичъ полъ, и тѣ скорбные люди... въ божественную службу мечтаются всякими кознодѣйствы». «Есть на Поморіи (говоритъ рукописное житіе Зосимы и Савватія) наволокъ Унежма; въ мѣстѣ-же томъ (былъ) человекъ нѣкій именемъ Никонъ. Сему Никону случися болѣзнь тяжка зѣло. Два кудесника бысть въ волости той, имуще прію нѣкую межю собой. Никону же тому случися промежу ихъ свидѣтельствовати; единому (изъ нихъ) угоди, а другаго оскорби.» Послѣдній «зельнѣ огорчися», и «яко-же обывай имъ укоренися злокозненнаго дѣйства, бѣсовскою прелестію нача кудесь бити—таже насылаетъ бѣса на Никона». Въ повѣсти о бѣсноватой женѣ Соломоніи (XVII вѣка) разсказывается, что однажды ей послышалось, «аки пріиде нѣкто на храминѣ; она же возста отъ ложа своего и отверзи двери, и пахну ей въ лице, и во уши, и во очи, аки нѣкоторый вихоръ велій, и явися аки пламя нѣкое огненно и сине... И бысть во всю ночь безъ сна; пріиде на нея трясеніе и великій, лютый ознобъ; и въ третій день она очюти у себе во утробѣ демона люта, терзающа утробу ея, и бысть въ то время во иступленіи ума отъ живущаго въ ней демона».

И до сихъ поръ простой народъ думаетъ, что всѣ калѣки, разслабленные и хворые изурочены колдунами и нечистою силою; всякое тѣлесное страданіе и всякое тревожное чувство приписываются порчѣ «недобрыхъ людей», ихъ завистливой мысли, оговору и сглазу, и называются впускною тоскою; нервныя болѣзни—кликушество, икота и падучая, а равно грыжа, сухотка и колотье признаются поселянами за дѣйствіе злыхъ духовъ, насланныхъ на человека на срокъ или навсегда мстительнымъ колдуномъ. Сами больные, раздѣлая то же

убѣжденіе, выкрикиваютъ во время припадковъ имена своихъ враговъ, подозрѣваемыхъ въ насланіи болѣзни, и обвиняютъ ихъ въ этомъ мнимомъ преступленіи. Еще недавно, вслѣдствіе такихъ обвиненій, производились судебныя розыски. Въ Пинежскомъ Уѣздномъ судѣ хранится любопытное дѣло, рѣшенное въ 1815 году. Крестьянинъ Михайло Чухаревъ былъ обвиненъ въ порчѣ икотою своей двоюродной сестры Офимьи Лобацовой, и ту Офимью (сказано въ прошеніи) теперь злой духъ мучить. Чухаревъ показалъ на допросѣ, что дѣйствительно насылалъ порчу на свою двоюродную сестру, а научилъ его тому крестьянинъ Федоръ Крапивинъ. Чара совершается такъ: снявши съ себя шейный крестъ, должно нашенывать на соль: «пристаньте къ челоѣку (имярекъ) скорби-икоты, трясите и мучьте его до скончанія вѣка; какъ будетъ сохнуть соль сія, такъ сохни и тотъ челоѣкъ. Отступите отъ меня, дьяволи, а приступите къ нему.» Наговорную соль слѣдуетъ бросить на дорогу, или вообще на то мѣсто, которымъ долженъ проходить осужденный на икоту. Судъ приговорилъ Чухарева къ тринадцати пяти ударамъ кнутомъ и къ публичному церковному поканію. Г. Максимовъ, сообщившій это дѣло въ своей прекрасной книгѣ: «Годъ на Сѣверѣ», слышалъ отъ ямщика разсказъ о дѣвкѣ-икотницѣ, у которой сто бѣсовъ животъ гложутъ. При такомъ взглядѣ на болѣзни, весьма естественно было представлять ихъ существами живыми, одушевленными. Клятвы различными недугами, донинѣ произносимыя простолюдинами въ пылу гнѣва или досады, были иѣкогда дѣйствительными призывами злыхъ демоновъ на враговъ и обидчиковъ: «вбій ты трасця!» «хай тебе хиндя (?) потрясе!» «щобъ тебе родимецъ побивъ!» (великор. «родимецъ ты возьми!») «щобъ на тебе причина (=притка) вдарила!» «бодай тебе грець вимивавъ!» «щобъ тебе лютъ турнула!» «щобъ тебе лунь вхопила!» «щобъ ёго смѣтокъ (печаль, тоска) узявъ!» «смѣтокъ би на ты темній та чорній упавъ!» «Чортъ би тебе спикъ!» «чортъ би вбивъ (или: мучивъ) твоего батька!».

Сообразно оборотамъ, употребительнымъ въ Нѣмецк. языкѣ, болѣзнь натакивается, насккиваетъ, нападаетъ, хватаетъ, осиливаетъ—*sie stösst an, fällt an, überfällt, überläuft, packt, greift an, überwältigt den Menschen*; у насъ говорятъ о тяжелой болѣзни, что она съ ногъ свалила. Нечистая сила смерти и недуговъ изображается въ народныхъ преданіяхъ вѣчно-голодною и прожорливою; она съ жадностію бросается на людей и животныхъ и питается ихъ кровью и мясомъ. По народному выраженію, больной изнашивается: полнота и крѣпость его тѣла какъ-бы поглощаются злобными демонами; напротивъ изцѣлить=возстановить здравіе буквально означаетъ: сдѣлать человека цѣлымъ. За родство понятій смерти и голода свидѣлствуютъ: готское *svults—mors* и сканд. *sulttr—fames*, греч. *λιμός*—голодь и *λοιμός*—моровая язва. О «черной смерти» лѣтописецъ выражается: «егда бо видяше гдѣ въ который родъ или въ осподу (вар. въ семью) болѣзнь лютая и смертное то жало, мряху бо споду наборзѣ... (сравни «божья ходить», «тяжкая пришла», «болѣзнь посѣтила»). Сана свѣтлостію не умалена бываетъ Смерть, на всѣхъ бо вынизаетъ многоядныя своя зубы». Итакъ моровой язвѣ даются острые зубы и жало. То же представленіе соединяють съ болѣзнями и Сербъ, какъ очевидно изъ ихъ заклатій: «Боolest га јела!» «Тако ме губа (проказа) не јела!» «тако ме живина (ракъ) не гризла!» (или—не драла!) «Тако ме не јела губа до паса, а живина од паса!» «Тако ме помама (бѣшенство) не напала!» Названіе грыжа (грызь=рѣзь ломота, ноющая острая боль) происходитъ отъ глагола грызу. Сибиряки считаютъ ослу за нечистаго духа, который бродитъ по свѣту и питается мертвыми тѣлами; а потому, желая умиловить его, нарочно убиваютъ скотину. Въ Великорусскихъ губерніяхъ поселяне убѣждены, что Оспа ходитъ съ клювомъ, и ударя имъ, пятнаетъ человѣка щетринками. Областные названія оспы—шадра и своробъ; шадрыый, шадро-

в и т ы й—рябой, ш а д р и н а—рябинка, с в о р о б а т ы й—щероховатый. Въ Олонецкой губ. заболѣвшаго осноу приносятъ къ другому хворому тою же болѣзною, и онъ отвѣшиваетъ ему три поклона и произноситъ: «прости меня Оспица, прости Аванасьевна, чѣмъ я предъ тобою согрубилъ, чѣмъ провинился!» Прощать въ старинномъ языкѣ употреблялось въ значеніи: выздороветь, излѣчиться отъ болѣзни. А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ другихъ губерній говорятъ: Богъ ее простилъ, т. е. она разрѣшилась отъ бремени. Новые Греки представляютъ оспу мифической женщиной. Народное суевѣріе утверждаетъ, что когда начинается болѣзнь, то не слѣдуетъ ложиться на постель, а стараться быть на ногахъ, чтобы она не взяла силы и не одолѣла человѣка.

Нечистые духи, въ своемъ древнѣйшемъ, языческомъ значеніи, были существа стихійныя, демоны темныхъ тучъ, опустошительныхъ грозъ, вихрей и вьюгъ, то посылающіе на поля и нивы безвременные ливни и градъ, то задерживающіе въ облачныхъ горахъ животворную влагу дождя и карающіе землю засухою; въ томъ и другомъ случаѣ они истребляютъ жатвы и лишаютъ чело-вѣка его насущной пищи. Къ разряду стихійныхъ демоновъ причислялись нашими предками и болѣзни, какъ порожденіе тѣхъ же естественныхъ причинъ: простуды, сырости, томительнаго зноя и вредныхъ испареній, разносимыхъ буйными вѣтрами, и какъ обычные спутники неурожаевъ, вслѣдъ за которыми въ древности всегда шествовалъ моръ. Atharva-Веда свидѣтельствуетъ, что воспалительный недугъ (такманъ) появляется тогда, когда жаркіе лучи солнца воздѣйствуютъ на болотистую почву—когда огонь изсушитъ воду. Эпидемическія, заразительныя болѣзни слывутъ на Руси: повѣтріе (пол. *powietrze*), вѣтроносное язво и моръ; съ послѣднимъ названіемъ родственны слова: об-морокъ—болѣзненный припадокъ, мгла, туманъ, и обморочить. Летучая или вѣтренная оспа называется въ Ярославской губ. л о п ѹ х а—слово, означающее также:

снѣгъ, падающій большими хлопьями. У Нѣмцевъ болѣзнь лошадей и рогатаго скота—*der böse wind*, въ Швейцаріи рожа—*wolken, fliegende wolke*. По мнѣнію народа, болѣзни посылаются по вѣтру или по водѣ: «съ вѣтру пришло», «съ воды приключилося». Колдунъ выходитъ на дорогу и выжидаетъ: не подуетъ ли попутный вѣтеръ въ ту сторону, гдѣ живетъ обреченный на порчу. Выждавши, онъ беретъ съ дороги горсть пыли или снѣгу (смотря по времени года) и бросаетъ на вѣтеръ, причитывая: «о сѣ пи (=запороши) у раба такого-то черныя очи, раздуй его утробу толще угольной ямы, засуши его тѣло тоньше луговой травы!» Главныя напускныя болѣзни—икота и стрѣлы. Икотою называютъ на сѣверѣ Россіи припадки кликушества; и катъ въ Псковской губ.—кричать, кликать. Силою чародѣйнаго слова нечистый духъ заклиняется на чье-нибудь имя; быстро летитъ онъ на крыльяхъ вѣтра, и первый встрѣчный, кто носитъ означенное имя, дѣлается его жертвою. Иногда наговариваютъ икоту на камни или насѣкомыхъ, и тотъ, кто запнется о такой камень или проглотитъ летучую мошку, подвергается истязаніямъ злаго демона. Стрѣлы (колотье) напускаются такъ: берется коровій рогъ, насыпается пескомъ, дресвою, истолченнымъ стекломъ, и все это выдувается въ отверстіе рога, съ закличеніемъ на извѣстное лицо. Вѣтеръ подхватываетъ песокъ, дресву и стекло, несетъ ихъ на человѣка и производитъ въ немъ такое ощущеніе боли, какъ-будто вся внутренность его была наполнена острою пылью и рѣжущими осколками. Эта чара и самое названіе болѣзни напоминаютъ намъ: съ одной стороны—эпическое выраженіе Слова о Полку о вѣтрахъ, вѣющихъ съ моря стрѣлами, а съ другой—то старинное олицетвореніе вѣтровъ, которое представляло ихъ дующими въ рога и трубы.

По свидѣтельству народныхъ преданій, нечистые духи, купаясь въ источникахъ, оскверняютъ воды и

пораждаютъ различные недуги. Эти источники первоначально означали дождевыя тучи, живительная влага которыхъ иссушается знойнымъ дыханіемъ демоновъ, губителей земнаго плодородія; впоследствии же въ нихъ стали видѣть обыкновенные омуты и болота, заражающія воздухъ своими тлетворными испареніями въ жаркіе мѣсяцы лѣта. Шѣмцы, Чехи и Лужичане думаютъ, что во время солнечнаго затмѣнія (=собственно передъ началомъ грозы, когда солнце помрачается сгущенными тучами и воздухъ дѣлается томительно-удушливымъ) нечистые духи пускаютъ съ неба ядъ и отравляютъ источники; поселяне закрываютъ тогда колодцы, не рѣшаются брать изъ нихъ воду для питья и не выгоняютъ скота въ поле. Германскія племена приписываютъ болѣзни вліянію раздраженныхъ эльфовъ; своимъ прикосновеніемъ и дыханіемъ (=дуновеніемъ) эльфы причиняютъ людямъ и домашнимъ животнымъ расслабленіе и смерть; кому нанесутъ они ударъ, тотъ теряетъ память и умственные способности: параличъ называется *dvergs slag* (*äwergschlag*); слабоуміе есть знакъ, что человѣкъ коснулся мстительная рука эльфа—*elbentrötsch* (*blödsinnig, geistesschwach*). По указанію народныхъ сагъ, лица, попадающія къ эльфамъ, рѣдко возвращаются назадъ, а если кто и воротится—то навѣрно на всю жизнь останется полоумнымъ: вѣрованіе это совпадаетъ съ общераспространеннымъ на востокъ, въ Іудеи и въ средневѣковой Европѣ мнѣніемъ, что бѣсноватые одержимы злыми духами, которые поселяются въ нихъ, какъ безпокойные, раздражительные мары (*poltergeister*), въ жилищѣ избранной семьи. Участіе въ танцахъ эльфовъ дѣлаетъ человѣка расслабленнымъ. Болѣзнь, извѣстная въ медицинѣ подъ именемъ Витовой пляски (*chorea sancti Viti*) и состоящая въ судорожныхъ, произвольныхъ подергиваніяхъ всѣхъ членовъ тѣла, названа такъ вслѣдствіе уподобленія ея—прихотливой пляскѣ грозовыхъ духовъ, сопутствующихъ Святовиту въ его бурномъ шествіи по воздушнымъ пространствамъ. Въ Ирландіи и Шотландіи убѣждены, что дуновеніе эльфовъ

вызываетъ на тѣлѣ желваки, чиреи, вереды (греч. ἄλφος — пятна на кожѣ, сыпь); въ Норвегіи болѣзнь воспалительнаго свойства называется *alvgust*, *alvild* = *elfenfeuer*, ср.-сѣв. *álfaþguni*; она нападаетъ на человѣка, какъ скоро онъ ступитъ на то мѣсто, гдѣ эльфы пролили воду или наплевали. Бѣлоруссы не рѣшаются ступать на слѣдъ, остающійся на землѣ отъ ведра съ водою, ни туда, гдѣ волкъ зарѣзалъ козла, гдѣ былъ заколотъ пѣтухъ, гдѣ валялись лошади, или собака скребла лапою, въ противномъ случаѣ неосторожный подвергается чесоткѣ и тѣло его покрывается лишаями. Вѣдра указываютъ на тѣ сосуды, изъ которыхъ грозовые духи лили на землю дожди, а пѣтухъ, козелъ, конь и собака — на ихъ животненныя превращенія. Въ сагахъ эльфы плюютъ въ глаза того, кто вздумаетъ подсмотреть ихъ игры, или дуютъ на него, и тѣмъ самымъ ослѣпляютъ любопытнаго. Вообще совѣтуютъ, при всякой встрѣчѣ съ ними, поспѣшно удалиться въ сторону.

Эльфы имѣютъ при себѣ луки и стрѣлы (= молніи); этими стрѣлами они убиваютъ людей и животныхъ, или причиняютъ имъ тяжкія страданія. Ощущеніе, производимое болѣзнями, языкъ сближаетъ съ ударомъ остраго оружія: ломъ («*daz gegihlte brach ir hend und füeze*»), колотье («*seitenstechen*»), рѣзь, стрѣльба и пр. Эльфы могутъ умерщвлять человѣка даже своимъ сверкающимъ взоромъ. Кто воспользуется отъ яствъ и напитковъ, для нихъ назначенныхъ, тотъ (по шотландской сагѣ) будетъ наказанъ смертію. Лихорадочный ознобъ (трясца) и стѣсненіе въ груди во время сна (удушье) приписываются ихъ же злобѣ. Ирландскій *phuca* прыгаетъ въ вечернемъ сумракѣ на спину путника и не оставляетъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не упадетъ обезсиленный на землю. У средневѣковыхъ поэтовъ эльфъ — злой духъ, который взнуздываетъ соннаго человѣка, ѣздитъ на немъ, трясетъ его, и такимъ образомъ доводитъ до совер-

шеннаго истощенія силъ: «*der alp zóumet dich*», «*der mar ritet dich*». Эльфы и мары (сканд. и швед. *мага*, англ. *night-mare*, голл. *naechtmaer*), сочтали въ себѣ представленіе грозовыхъ геніевъ съ душами усопшихъ; но такъ какъ душа уподоблялась бабочкѣ и ея личинкѣ (червяку,) и такъ какъ самые эльфы произошли отъ червей=молній, то отсюда возникло вѣрованіе, что *alp*, посылаемый колдунами, вылетаетъ изъ ихъ сросшихся бровей бабочкою, садится на грудь спящаго человѣка и начинаетъ давить его; это напоминаетъ намъ убійственные взоры Вія, предающіе все гибели, какъ скоро будутъ подняты его длинныя брови и рѣсницы, т. е. открытый взглядъ молніи разить смертію; брови и рѣсницы—метафоры облаковъ. Въ Швейцаріи *toggeli* означаетъ мотылька и эльфа; въ старинныхъ процессахъ о вѣдмахъ злой духъ—*der elbe* изображается прилетающимъ въ видѣ бабочки; литов. *drugris*—бабочка и *fiebervogel*, латт. *drudsis*—летучая моль и лихорадка; литов. *druggis kreczia*, латт. *drudsis kratta*—трясаетъ лихорадка. Жгучая опухоль подъ ногтемъ пальца называется *der wurm*, *der umlaufende wurm*; опухоль на рукахъ и ногахъ, сопровождаемая нагноеніемъ,—*der haarwurm*, по-русски волосъ или волоosenъ, и по мнѣнію нашихъ крестьянъ бываетъ отъ червя-волосатика; одышка—*herzwurm*; собака впадаетъ въ бѣшенство отъ червя, который сидитъ у ней подъ языкомъ; *blasende wurm*—болѣзнь лошадей. Чехи убѣждены, что каждый человѣкъ имѣетъ въ своемъ тѣлѣ червя, отъ котораго и зависитъ его жизнь; сверхъ того, они рассказываютъ о зловредныхъ червяхъ, изъ которыхъ одни точатъ сердце, другіе пьютъ кровь, а третьи пожираютъ принятую человѣкомъ пищу—преданіе, принадлежащее глубочайшей древности, ибо уже въ Атарваведѣ встрѣчаемъ заговоры, направленные на убіеніе червя, который гнѣздится въ головѣ, внутренностяхъ или крестцѣ больного. Итакъ грызущая боль недуговъ сравнивается съ подтачивающимъ тѣло червякомъ; входя въ челоуѣка, злой эльфъ принимаетъ образъ этого

насъкомаго и начинаетъ поѣдать мясо и пить кровь, почему поляки червей, причиняющихъ людямъ болѣзни, называютъ *biade ludzie*. Тѣже вѣрованія раздѣляли и Греки, какъ видно изъ свидѣтельствъ языка: *ἐπιάλτης*, *ἐφιάλτης* (= *aufspringer*)—демоническій духъ, который давить по ночамъ и производить лихорадочное ошущеніе; *ἡπιάλης*, *ἡπίδλης*—эльфъ; *ἡπίαλος*, *ἡπίολος*—лихорадка, ознобъ и удушье; *ἡπίολος* означаетъ также и бабочку.

Приведенныя нами выше народныя названія болѣзней, извѣстныя на Руси и у другихъ Славянъ, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ древности онѣ признавались за существа демоническія, подобныя злымъ эльфамъ. Преданіе даетъ имъ божій бичъ и стрѣлы, и всѣ тѣлесныя страданія разсматриваетъ какъ слѣдствіе отъ удара или укола ихъ оружія: болѣзнь—это божья «рана» или язва, навесенная рукою незримаго духа, свидѣтельство его карающей силы и раздраженія («божья мочь», «божій гнѣвъ»). Чтобы предать людской родъ болѣзнямъ, сатана истыкалъ перстомъ или, по другому варианту, древомъ (= жезломъ, палицею) тѣло перваго человѣка; поселяне называютъ недуги притками, отъ глагола при-ткнути—коснуться. Въ устахъ народа употребительны клятвы: «чтобъ тебя родимецъ и трысца побили!» «Чтобъ тебя притка ударила!» «чтобъ тебя язвило, пятнало, стрѣляло!» Мы доселѣ говоримъ: разбить параличемъ, а въ областныхъ нарѣчіяхъ эту болѣзнь обозначаютъ выраженіемъ: его прострѣлило. Въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича къ боярину Морозову читаемъ: «а про смертоносную язву не лишите, престала ли или нѣтъ... и котораго числа діака нашего Петра Стеншина прострѣлило?» Сибирской язвѣ даютъ названія змѣиный прострѣль; колотье и головная боль (мигрень) у Чеховъ называются *strily*, рус. стрѣлы; стрѣляетъ—чувствуется колотье; въ Исковской губ. стрѣлицы—болѣзнь коровъ. Въ первой пѣснѣ Иліады поэтъ рассказываетъ, какъ разгнѣванный Аполлонъ взялся за серебряный лукъ, и пуская

крылатыя стрѣлы, наслалъ на Ахейское войско моровую язву; тѣмъ же оружіемъ поразилъ онъ и дѣтей Ніобен. Подобными стрѣлами обладала и богиня Артемида. Одиссей обращается къ тѣни своей матери съ вопросомъ: скончалась ли она медленно отъ тяжелой болѣзни, или вдругъ Артемида тихой стрѣлой ее поразила? Въ другомъ мѣстѣ Одиссеи говорится о блаженной странѣ, гдѣ люди умираютъ не отъ старости и болѣзней:

Лукъ свой серебряный взявъ, Аполлонъ съ Артемидой нисходятъ тайно, чтобъ тахой стрѣлой безболѣзненно смерть посылать имъ.

Это — быстрый ударъ паралича, разомъ, безъ долгихъ страданій пресѣкающій жизнь; сравни съ русскимъ преданіемъ о добрыхъ ангелахъ, мгновенно-изъемящихъ душу добродѣтельнаго человѣка, чтобы водворить ее въ райскихъ селеніяхъ. Когда ребенокъ страдаетъ неизвѣстною болѣзнію, мечется и кричитъ по ночамъ, простолюдины кладутъ ему подъ голову — мальчику небольшой л у к ъ с о с т р ѣ л о ю, а дѣвчкѣ пряслицу, причитывая: «щекоти х а-б у д и х а! вотъ тебѣ лучокъ (или пряслица), играй, а младенца не буди. О лѣсункахъ и русалкахъ разсказываютъ, что онѣ, завлекая путника, щекочутъ его до тѣхъ поръ, пока не упадетъ онъ бездыханнымъ; поэтому названіе болѣзни щекотихою намекаетъ на связь ея съ этими эльфическими дѣвами: прилетая къ ребенку, она щекочетъ — мучить его, и тѣмъ самымъ отымаетъ у него сонъ. Какъ всѣ облачныя (водяныя) дѣвы, русалки представлялись пряхами, приготовляющими туманные покровы, которыми онѣ застилаютъ небо и потому пряслица точно также указываетъ на стихійный характеръ демона-болѣзни, какъ и лукъ съ стрѣлами. У Чеховъ дѣвица, захворавшая лихорадкою, должна трижды обѣжать прудъ, но обѣгая въ первый разъ бросить въ воду кусокъ хлѣба, во второй — веретено, а въ третій — пачку льна; эти приношенія задерживаютъ лихорадку въ ея подводномъ жилищѣ, и она уже не приходитъ въ обычное время мучить больную. Отсюда-же объясняется

обычай мѣрять больного ниткою, сожигать ее на огнѣ, а оставшійся пепелъ разводить въ водѣ и давать пить во время припадковъ.

Сербскія вилы, сродныя съ нашими русалками и нѣмецкими эльфами, причисляются къ мѣстическимъ пряхамъ, мечутъ смертоносныя стрѣлы, отравляютъ источники, повергаютъ людей въ тяжкія болѣзни и отнимаютъ у нихъ разумъ. О лужицкой полудницѣ, принадлежащей къ тому-же разряду духовъ, разсказываютъ, что она является на поля допрашивать женщинъ, какъ должно обрабатывать ленъ, и тѣмъ, которыя не съумѣютъ дать ей отвѣта, свертываетъ шею. Въ средневѣковыхъ памятникахъ *daemon meridians* (у греческихъ писателей *μεσημεριῶδες δαίμων*) — падающая болѣзнь; у Чеховъ *polednice* названіе недуга. Замѣчательно, что въ нашемъ народѣ слово полудновать употребляется въ значеніи: жить послѣднія минуты передъ смертію. Въ пѣсняхъ встрѣчаемъ слѣдующій оборотъ: «мало Стафидѣ можется—едва душа въ тѣлѣ полуднуется»; «дерется Добрыня съ бабой-горыниной, едва душа его въ тѣлѣ полуднуется.» Рядомъ съ полудницами, въ Архангельской губер. знаютъ двѣнадцать сестеръ полуночницъ (—марь), которыя нападаютъ ночью на дѣтей и заставляютъ ихъ кричать отъ боли. Припадки кликушества называются и грець — слово, которымъ обозначается и нечистый духъ; это указываетъ на древнее воззрѣніе, что бѣсъ, входя въ человѣка, мучительно играетъ имъ. Соотвѣтственныя выраженія находимъ—у Чеховъ, которые объ умершемъ говорятъ: «*Smrtka s nim roň gávná*», въ Несторовой лѣтописи: «бѣсъ тобою (волхвомъ) играетъ на пагубу тебѣ» и въ русской поговоркѣ: «чѣмъ чортъ не шути тѣ!» Шутъ—дьяволъ, домовый, лѣшій, шутикъ—злой духъ, шутить проказить, говоря о нечистой силѣ. По народному убѣжденію, все, что выкрикиваютъ бѣсноватые и кликуши, внушаетъ имъ поселившійся въ ихъ тѣлѣ демонъ, и потому имъ приписывается способность предска-

зывать будущее. Повѣрье это отразилось и въ языкѣ: б л а ж ѣ (и) ть — сходить съ ума, б л а ж н о й — привередливый, хворый, и блаженный — юродивый, слабоумный, въ бессмысленной болтовнѣ которыхъ искали встарь пророческихъ вѣщаній, и самихъ ихъ признавали за одержимыхъ божественнымъ духомъ. Такъ необходимо, такъ невольно смѣшивались и спутывались въ нравственно-религіозныхъ представленіяхъ нашихъ предковъ понятія тупоумія, болѣзненнаго разслабленія и духовнаго предвидѣнія, небесной кары и дара высшихъ откровений. Помѣшательство, безумный бредъ, столбнякъ объясняются на Руси проказами лѣшихъ; человѣкъ, котораго обошелъ (= овѣялъ вихремъ) лѣшій, дѣлается каженникомъ (ис-ка-же-ннымъ), теряетъ смыслъ и память; Бѣлоруссы думаютъ, что тотъ, надъ кѣмъ пролетѣлъ злой духъ, л я д а щ и к ѣ, непременно сходить съ ума. Наравнѣ съ эльфами, русалками и вѣлами, олицетворенные недуги населяли воды и лѣса; чтобы избавиться отъ нихъ, Нѣмцы и Славяне шли къ источникамъ или въ густыя рощи, и тамъ совершали свои цѣлебные обряды; особенно-важную роль играли въ этомъ случаѣ деревья, растущія надъ водами: и в а, в е р б а, плачущая береза и др. Чехъ, когда трясетъ его лихорадка, отправляется къ вербѣ, склоняющей свои вѣтви надъ свѣтлымъ потокомъ, и, по окончаніи параксизма, привязываетъ къ дереву какой-нибудь даръ и быстро, безъ оглядки, бѣжитъ домой; или онъ отрѣзываетъ клокъ своихъ волосъ и лоскутъ собственного платья, буравить въ вербѣ отверстіе, влагаетъ въ него приготовленные отрѣзки и заколачиваетъ ихъ глоговымъ клиномъ. Наши поселяне вѣшаютъ на деревьяхъ, въ даръ русалкамъ, холсты и нитки; отъ болѣзней они купаются въ рѣчкахъ, прудахъ или источникахъ и оставляютъ на прибрежныхъ кустахъ и деревьяхъ полотенцы и сорочки; нерѣдко надъ головою болящаго завязываютъ въ лѣсу двѣ березовыхъ вѣтки, приговаривая: «коли ты (болѣзнь) покинешь — отпущу, не покинешь — сама сгинешь!» Нѣмцы завязываютъ отъ лихорадки три узла на вѣтвяхъ ивы. Скважины въ древесныхъ

стволахъ, сквозь которыя протаскиваютъ больныхъ дѣтей, называются въ Швеціи *elfenlöcher*. Чехи сотрясаютъ на одержимыхъ лихорадкою росу съ вѣтвей вишневаго и другихъ деревьевъ. По совершеніи этихъ обрядовъ, возвращаясь изъ лѣсу домой, не слѣдуетъ оглядываться назадъ и отвѣчать на призывный голосъ: иначе демонъ-мучитель узнаетъ свою жертву и не прекратитъ своихъ посѣщеній.

Вѣдъмамъ славянскія преданія приписываютъ ночную ѣзду на людяхъ, которыхъ онѣ оборачиваютъ конями; вылетающая изъ нихъ въ видѣ бабочки душа (вѣщица) налегаетъ на спящихъ страшною тяжестью. По другимъ сказаніямъ, злой духъ болѣзней и смерти—м о р а или м а р а (нижнелуж. тугава, пол. змогà—удушье, чешск. туга—эльфъ, вѣдма и мотылекъ) носитъ свою голову подъ мышкою и блуждаетъ н о ч ь ю подъ окнами избъ, произнося имена хозяевъ и домочадцевъ: кто отзовется на голосъ м а р ы, тотъ умретъ; она садится на соннаго челоуѣка и душитъ его; у женщинъ и коровъ она любитъ высасывать молоко. Какъ Шведы и Датчане видятъ въ марахъ души усоншихъ, такъ, по мнѣнію Болгаръ, м у р а есть д у ш а м л а д е н ц а, умершаго безъ крещенія, прилетающая н о ч ь ю давить сонныхъ. Съ этими марами тождественны наши кики-моры (=кош-м а р ы) и м а р у х и—безпокойные домовые карлики, занимающіеся пряжею, и самъ дѣдъ-д о м о в о й, который давить мужиковъ и бабъ во время ихъ крѣпкаго сна. По русскому повѣрью, всякій челоуѣкъ бываетъ одержимъ по н о ч а м ъ разными недугами, и если разбудить его прежде, чѣмъ окончатся начатыя муки, то онъ навѣрно захвораетъ тою болѣзною, какою былъ угнетаемъ во снѣ. Оттого крестьяне не рѣшаются будить своихъ товарищей на утренней зорѣ. Лѣтописецъ сообщаетъ подъ 1092 годомъ любопытное свидѣтельство о бѣсахъ, поражавшихъ смертію Полочанъ: «Предивно бысть Полотѣскѣ: въ мечтѣ ны бываше, въ нощи тутѣнь стояше по улици, яко челоуѣци р и щ ю щ е бѣси;

аще кто вылѣзаше изъ хороминъ, хотя видѣти, абѣ уязвленъ бѹдѣше (вар. бѣше) невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ. Посемъ-же начаша въ дне (вар. во дни) являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта, и тако уязвляху люди полотъскыя и его (вар. ихъ) область; тѣмъ и челоуѣци глаголаху: яко навѣе (мертвецы) бѣють Полочаны.» И такъ въ этихъ смертоносныхъ бѣсахъ, незримо-рыскающихъ на коняхъ, современники признавали существа эльфическія=души усопшихъ, о которыхъ нѣмецкія саги рассказываютъ, какъ о спутникахъ Одина въ его воздушныхъ поѣздахъ. Въ означенныхъ вѣрованіяхъ кроется основа той лингвистической связи, какую замѣчаемъ въ ниже-слѣдующихъ реченіяхъ: народъ называетъ покойниковъ родителями и употребляетъ это выраженіе безразлично, говорится ли объ усопшихъ предкахъ, или о преждевременно-скончавшихся младенцахъ; въ «Словѣ Данила-Заточника и въ нѣкоторыхъ церковнославянскихъ рукописяхъ подъ именемъ рѣда разумѣется духъ, что волиѣ согласуется съ областнымъ употребленіемъ этого слова: въ Саратовской губ. рѣда означаетъ видъ, образъ, а въ Тульской—привидѣніе, призракъ; наконецъ родимецъ—параличъ. Вотъ живое свидѣтельство языка, что души покойниковъ роднились у Славянъ съ тѣми стихійными духами, стрѣлы которыхъ наносятъ челоуѣку параличный ударъ—подобно тому, какъ германскія племена туже самую болѣзнь приписывали вліянію эльфовъ, а этихъ послѣднихъ отождествляли съ тѣнями усопшихъ.

А. Аѳанасьевъ.

(Продолженіе будетъ.)

СОСТОЯНІЕ И ЗАДАЧИ ГРЕЧЕСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ ПО КУРЦІУСУ.

Обзоръ этимологическихъ трудовъ из-
вѣстныхъ филологовъ и лингвистовъ
по сравнительному языкознанію.

(Соч. Курціуса т. 1-й 1865, т. 2-й 1866 г.)

Въ продолженіе истекшаго полустолѣтія, наука
языкоислѣдованія не только основалась на прочныхъ
началахъ, но и переиспытала нѣсколько разнородныхъ на-
правленій, пережила періодъ крайностей и увлеченій и
достигла значительной зрѣлости состоянія и прочности
результатовъ. Можно сказать, что теперь улеглась борь-
ба между сравнительнымъ языкоислѣдованіемъ и фило-
логическими работами въ тѣсномъ кругу классическихъ
языковъ, при чемъ весьма много выиграли оба направле-
нія. Теперь едва ли отыщется серьезный ученый, кото-
рый говорилъ бы противъ необходимости сравнительнаго
метода для успѣшныхъ и вполне прочныхъ работъ въ

предѣлахъ извѣстнаго отдѣльнаго языка. Равнымъ образомъ совершенно убѣдились и въ томъ, что дальнѣйшія изслѣдованія въ области многихъ родственныхъ языковъ находятъ прочную основу для себя въ занятіяхъ и изслѣдованіяхъ надъ данными одного извѣстнаго языка. Результатомъ этого взаимнаго признанія обоихъ направлений служитъ особенная осмотрительность въ филологическихъ работахъ и крайняя осторожность въ выводахъ, отъ чего происходитъ такой замѣчательный успѣхъ и прогрессъ науки.—Указанныя направленія въ рѣдкомъ согласіи совмѣщаются въ этимологическихъ трудахъ *Георга Курциуса*. Собственная специальность этого замѣчательнаго лингвиста—языки классическіе и особенно Греческій языкъ. Но при этомъ онъ, быть можетъ, глубже многихъ ученыхъ сознаетъ необходимость сравнительнаго метода; въ слѣдствіе этого онъ въ кругъ своихъ изслѣдованій вводитъ извѣстныя данныя изъ всѣхъ родственныхъ языковъ.—Въ сравнительномъ методѣ самое главное—соблюсти мѣру, не склониться ни въ ту, ни въ другую сторону, и въ этимологическихъ работахъ нашего ученаго на каждомъ шагѣ замѣчается самая крайняя осмотрительность; онъ самъ часто говоритъ въ своемъ сочиненіи, что «лучше отдѣлить дѣйствительно родственное, чѣмъ соединить только по-видимому подходящее.»

Важнѣйшее изъ сочиненій Курциуса: Grundzüge der

griechischen Etymologie въ трехъ книгахъ. Послѣднія двѣ посвящены спеціальнымъ изслѣдованіямъ. Первая книга имѣетъ болѣе общій характеръ; въ ней содержится краткій историческій обзоръ этимологическихъ работъ, указываются задачи этимологии, ея современное состояніе, ея методы, руководительныя начала.—При отсутствіи въ нашей литературѣ сочиненій, знакомящихъ съ состояніемъ и общими положеніями сравнительнаго языкоученія, и при тѣхъ задачахъ, какія вызваны современными требованіями при изученіи классическихъ языковъ, полагаемъ, нелишнимъ будетъ исторически прослѣдить труды извѣстнѣйшихъ филологовъ и лингвистовъ, какъ авторитетовъ науки, и познакомить читателей съ тѣми результатами, какихъ они достигли въ своихъ изслѣдованіяхъ по этимологии. Читатели увидятъ, какъ прогрессивно шли у нихъ эти работы и изслѣдованія, какая у нихъ была полемика, и къ чему они ихъ привели. Такъ, напр. Курціусъ, желая прочіѣе и нагляднѣе основать свое убѣжденіе и правило, вдается въ филологическій анализъ и сопоставленія многихъ словъ, приводитъ много примѣровъ для выясненія извѣстнаго правила. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя изслѣдованія имѣютъ важное значеніе и, представляя живой интересъ науки, даютъ намъ образчикъ того, какихъ пріемовъ слѣдуетъ держаться и намъ вообще при изученіи языковъ и въ особенности при изученіи и преподаваніи классическихъ языковъ, такъ какъ въ настоящее время особенное обращено на нихъ вниманіе.

Съ этою цѣлю мы представимъ здѣсь только результаты филологическихъ разслѣдованій по этимологіи въ слѣдующихъ отдѣлахъ.

I.

Понятіе объ этимологіи; границы ея;—этимологія въ древности.

Нѣтъ ничего ближе къ человѣку, какъ онъ самъ, его внутренняя душевная дѣятельность и внѣшнее выраженіе ея—языкъ. Языкомъ пользуется онъ и въ бесѣдахъ съ другими, и въ бесѣдахъ съ самимъ собою; языкъ неотдѣлимъ отъ самыхъ таинственныхъ плановъ его и глубочайшихъ соображеній. Не смотря на то, изслѣдованія надъ душевною дѣятельностью и въ частности надъ языкомъ оказываются самыми трудными, и достигли нѣкоторой прочности только въ послѣднее время. Въ самомъ дѣлѣ, какъ продуктъ дѣятельности души и вмѣстѣ полнѣйшее и непосредственное выраженіе этой дѣятельности, языкъ отражаетъ на себѣ всѣ тѣ неожиданные, прихотливые и часто неуловимые переходы и обобщенія, путемъ которыхъ образовались въ душѣ извѣстные представленія и понятія. Поэтому-то изслѣдователю языка, этимологу предметъ его представляется далеко не съ той рѣзкостью очертаній, опредѣленностью, стойкостью, какъ напр. для естествоиспытателя, математика—ихъ предметы. Отъ этой гибкости языка, тонкости его образованія, а съ другой стороны отъ поспѣшности въ выводахъ и отъ многихъ другихъ причинъ зависѣло то, что въ историческомъ развитіи этимологіи встрѣчаются направленія, взаимно исключаютъ одно другое, и сама этимологія часто, и не безъ основанія, подвергалась порицанію, упрекамъ, даже насмѣшкамъ. Не смотря на то, оказывается, что нельзя убить стремленія къ изслѣдованію начала словъ и родства ихъ между собой, или, какъ показываетъ самое названіе науки, стремленія къ дознанію этого ѣтѣраго, существеннаго, истиннаго и собственнаго содержанія слова. Этимологія въ полной степени обладаетъ прелестью всѣхъ наукъ, имѣющихъ предметомъ своимъ возникновеніе и процессъ развитія великихъ событій въ области природы или духа.—Впрочемъ,

нельзя не признать, что при всемъ этомъ въ предѣлахъ этой науки есть и величайшія опасности. Во всякой области знанія наблюдательности человѣка дозволено проникать только до извѣстнаго пункта.—Первое возникновеніе, въ собственномъ смыслѣ, начало того, что раскрывается предъ нимъ въ богатомъ разнообразіи, и что можетъ онъ отдѣлять, сопоставлять и при дальнѣйшей дѣятельности своей понимать, это первое—скрыто отъ него. Человѣкъ можетъ только приближаться къ нему помощію болѣе или менѣе вѣроятныхъ гипотезъ, которыя, при всей неизбѣжности своей въ наукѣ, лишены строгости точнаго изслѣдованія и въ слѣдствіе этого легко могутъ привести къ ошибочнымъ результатамъ. И къ этой области гипотезъ относится все то, что думали и что писали о возникновеніи языка, начиная отъ Гераклита, Пиеагора и Платона до позднѣйшаго времени. Именно, на первыхъ порахъ, когда меньше всего было зрѣлости и прочности въ наукѣ, тѣмъ опрометчивѣе старались разгадать это первое начало; за то впослѣдствіи, когда содержаніе науки становилось все богаче и полнѣе, тѣмъ заботливѣе начали различать доступное познанію отъ вѣчно загадочнаго и довольствовались небольшимъ кругомъ истинъ озаряющихъ. «Человѣкъ», говоритъ Гумбольдтъ (*Ueber die Verschied. d. mensch. Sprachbaues*), «на «первыхъ порахъ всегда въ области мысли ищетъ связи «для внѣшнихъ явленій; искусство историческое развивается уже впослѣдствіи, и чистое наблюденіе, а тѣмъ «болѣе опытъ слѣдуетъ далеко позади идеалистическихъ и фантастическихъ системъ.» В. Гумбольдтъ первый положилъ начало общему языкоизслѣдованію, и разсужденія его, глубоко проникающія въ сущность человѣческаго духа и выходящія изъ многообъемлющаго языкознанія, во многихъ отношеніяхъ оживили отдѣльные изслѣдованія и служили для нихъ руководствомъ. Сѣмена, положенныя имъ, возрасли роскошно, и съ тѣхъ поръ, какъ Штейнталь въ своихъ разнообразныхъ и поучительныхъ сочиненіяхъ поставилъ психологическій способъ обозрѣнія на мѣсто логическаго, съ тѣхъ поръ едва ли можетъ

быть рѣчь о дѣйствительной противоположности между эмпирическимъ и философскимъ направлениемъ языкознанія. Поэтому этимологъ долженъ составить для себя прочное понятіе о сущности языка вообще, если онъ не желаетъ остаться безпомощнымъ въ виду многихъ частныхъ вопросовъ. Языкознаніе, при своемъ быстромъ и прочномъ ходѣ впередъ, все болѣе является какъ одно великое цѣлое, и кто занимается отдѣльной въ немъ областью, долженъ имѣть понятіе и обо всей его совокупности. Къ счастью, нѣтъ недостатка въ такихъ трудахъ, въ которыхъ отдѣльныя изслѣдованія и общее обозрѣніе взаимно соединяются и уясняются. Первое мѣсто между такими сочиненіями принадлежитъ, «Чтеніямъ, или Наукѣ о языкѣ» Макса Мюллера.

При томъ могучемъ поворотѣ и движеніи, какое впервые испытало языкознаніе въ послѣднее время, едва ли возможно въ подробности останавливаться на исторіи этимологии вообще и въ частности греческой. Замѣнательство и заблужденія въ этой области такъ необыкновенны и разнообразны, что особенный историческій интересъ потребуетъ долѣе остановиться на нихъ и поискать той нити, которая, безъ сомнѣнія, тянется черезъ весь этотъ лабиринтъ. — Впрочемъ, до извѣстной степени не можетъ не быть поучителенъ и краткій обзоръ этимологическихъ направленій въ древности и въ новѣйшее время, такъ какъ онъ можетъ предостеречь насъ отъ многихъ опасностей, грозящихъ на этомъ пути.

Неизвѣстно, кто первый сталъ употреблять многозначительное слово *ἐτιμολογία*. Первая часть этого слова указываетъ на Іонянъ, потому что *ἐτιμος* — слово чуждое аттической прозѣ, и даже Платонъ (Федр. стр. 260) употребляетъ его случайно, въ родѣ ссылки. Можно полагать, что это слово введено въ употребленіе тѣми философами, о которыхъ идетъ рѣчь у Платона въ его Кратилѣ. Платонъ первый возбудилъ этимологическія изслѣдованія; впрочемъ не особенно счастлива отъ этого была этимология. Этотъ великій умъ затронулъ въ своемъ Кратилѣ этимологию съ цѣлью попытаться, на сколько

можетъ быть проведено положеніе, будто «слова образы внѣшняго міра,» и слѣдовательно пользовался этимологіей, какъ средствомъ для своихъ цѣлей. Будучи далекъ отъ серьезнаго научнаго занятія языкомъ, философъ этотъ, вслѣдствіе прочнаго авторитета въ своей области знанія, упрочилъ за собой торжественное признаніе и въ сферѣ этимологіи. Примѣръ Платона увлекательно подѣйствовалъ на другихъ, и потянулся рядъ приемовъ этимологизированія одинъ другаго нелѣпѣе. Общій и основной промахъ всѣхъ этихъ приемовъ въ томъ, что предварительно сложившееся представленіе о предметѣ имѣло для этимолога цѣну непоколебимаго основоположенія, и только въ интересѣ болѣе наглядно выяснитъ его онъ обращался къ языку и находилъ въ немъ пособіе для этой цѣли. При этомъ, конечно, оставлены безъ всякаго вниманія правила и законы языка; то, что казалось истиннымъ, онъ долженъ только подтверждать; не мы должны учиться отъ него, а онъ отъ насъ. Самъ Аристотель (Lersch, drit. band Sprachphilosophie der Alter. Bonne, 1841) увлекся этимъ легкимъ, заманчивымъ путемъ; такъ онъ производитъ *δίχα* отъ *δίχα*, *μαχάριον* отъ *χαίρειν*. Изъ позднѣйшихъ философовъ стоики въ особенности перешли въ этомъ дѣлѣ всѣ границы. Съ особенною любовью пользуясь значеніемъ словъ для подкрѣпленія своего ученія, они образовали даже теорію о *χοριότης τῶν ὀνομάτων*, или *similitudo rei cum sono verbi*, гдѣ въ числѣ началъ соглашенія подлѣ *ὁμοιότης* и *ἀναλογία* было также *ἐναντιώσις* или, какъ послѣ называли, *ἀντίφρασις*. Кажется, болѣе философамъ, чѣмъ грамматикамъ должно было поставлено въ укоръ, если этимологія очутилась у Грековъ въ такомъ положеніи, что Хризиппъ, напри- мѣръ, могъ объяснять имя Аполлона, будто «онъ не изъ числа многихъ и посредственныхъ существъ, или что онъ одинъ только въ своемъ родѣ,» (*ὡς οὐχὶ τῶν πολλῶν καὶ φάσιων ὄντων, ἢ ὅτι μόνος ἐστὶ καὶ οὐχὶ πολλοί*). — Ученые Александрійской школы были довольно далеки отъ подобнаго произвола; несвободные отъ заблужденій, они держались однакожъ въ предѣлахъ осторожности и

умѣренности, какъ доказано это Наукомъ объ Аристофанѣ византійскомъ. Однако, съ тѣхъ поръ, какъ разѣисканіе сущности слова (*ἐτυμολογίας εὑρεσις*) стало частью грамматики, у самихъ грамматиковъ явилось желаніе поимѣяться въ ловкости съ философами, и постепенно сложилась та искусственная и произвольная система, съ помощью которой все можетъ служить для объясненія всего. Лершъ собралъ такъ называемыя этимологическія правила древнихъ, знакомство съ которыми небезынтересно, поучительно и въ извѣстномъ отношеніи можетъ привести къ благимъ результатамъ. Безъ затрудненія допущенъ переходъ всѣхъ звуковъ во всѣ, даже совершенно различные, напримѣръ, переходъ θ въ π , λ въ π , π , ρ въ χ . Впрочемъ, у древнихъ встрѣчаются попытки болѣе прочныхъ положеній, напримѣръ «*ι никогда не обращается въ α*,» что подтверждено въ новѣйшее время; только подобные разумные взгляды мало были распространены. Въ ряду другихъ уловокъ этимологии кажется намъ всего болѣе удивительнымъ обычай вставлять буквы и цѣлые слоги (*πλεονασμός*). Лершъ думаетъ, что за исключеніемъ ξ , всѣ согласные вставлялись какъ придется; при этомъ въ одинаковой мѣрѣ были любимы *ἄλλειψις* и *συνόπτη*, *μετάθεσις* и *ὑπέρθεσις*. Не упустимъ изъ виду, что при всемъ этомъ у древнихъ недоставало настойчивости въ оцѣнкѣ значенія словъ, въ различеніи корня отъ окончанія, и для насъ будетъ понятно, если все стремленіе ихъ выродилось въ пустую игру словъ, лишенную всякаго права на науку. Непонятно было бы, какимъ образомъ эта странная забава въ продолженіе столѣтій могла занимать умныхъ и ученыхъ мужей, если бы подобный примѣръ не повторился въ новѣйшее время. Впрочемъ, древнихъ Грековъ извиняютъ до извѣстной степени нѣкоторые обстоятельства, куда относится именно разнообразіе діалектовъ, глубокое значеніе которыхъ указано впервые Я. Гриммомъ. Такъ какъ звуковые переходы между разными діалектами оставались необслѣдованными, то Греки считали возможными и въ одномъ и томъ же діалектѣ самыя разнообразныя пере-

ходы и измѣненія. Производя изъ аттическаго діалекта разнообразно полныя гомерическія формы, они дошли до представленія, что въ языкѣ позволительны всякаго рода вставки и преобразованія. Нельзя при этомъ умолчать, что вслѣдствіе распада дренегреческаго выговора явились часто самыя рѣшительныя противорѣчія между говоромъ и письмомъ, что въ научномъ отношеніи могло такъ сильно затемнять дѣло.

II.

Новая этимологія до Лобека и Дедеклейна.

Новая филологія начинается столь отважной попыткой къ изслѣдованію классическихъ языковъ, каковъ трудъ *Юлія Скалигера*—*De causis linguae latinae*. Впрочемъ, едвали можно указать въ немъ на какой либо шагъ впередъ; справедливѣе видѣть въ немъ лишь смѣлую самоувѣренность, не берущую въ расчетъ всѣхъ трудностей въ виду такой высокой задачи. Смѣлость объясненія, именно, латинскихъ словъ греческими, на примѣръ *pulcher* изъ *πολύχρῆρ*, *ordo* изъ *ὄρον δῶ*, почти больше, чѣмъ у древнихъ. *Генрихъ Стефанъ* (въ половинѣ XVI в.) въ своемъ *Thesaurus* уже располагаетъ греческія слова по происхожденію. Не смотря на близорукость такого предпріятія и на многія ошибки въ немъ, мы должны признать въ этомъ трудѣ извѣстную осмотрительность въ приѣмахъ этимологій и здравый смыслъ. Съ горечью сознаваясь въ недостаткѣ руководительныхъ началъ для этимологій, онъ уже по этому самому избѣжалъ многихъ нелѣпостей, которыя столѣтіе послѣ него были разглашаемы во всеуслышаніе. И объ отношеніи Французскаго языка къ Латинскому, онъ, по словамъ Макса Мюллера, высказалъ болѣе основательное мнѣніе, чѣмъ многіе другіе.—Особенно блестяща и плодотворна была дѣятельность *Іосифа Скалигера*. Съ 1592 г. состоя профессоромъ греческихъ и римскихъ древностей при Лейденскомъ университетѣ, этотъ гениальный человѣкъ словомъ своимъ и примѣромъ управлялъ широкимъ кругомъ учениковъ своихъ

и поклонниковъ даже за предѣлами Голландіи и побуждалъ ихъ къ основательному изученію древнихъ. Вліяніе даровитаго, но страннаго предшественника его по профессурѣ, *Юста Лепсіуса*, къ изумленію всѣхъ, пренебрегавшаго Греками, было подавлено дѣятельностью Скалигера (*Bernh. Grundniss d. Rom Litt. Kap. V*), указано высокое значеніе Греческаго языка для грамматическихъ студій, и если значеніе это впослѣдствіи было преувеличено и доведено до крайности, то не вина въ этомъ Скалигера, въ высокой степени осторожнаго въ выводахъ своихъ, какъ видно это изъ *Conjectanea ad Varro nem*, къ которымъ присоединены въ алфавитномъ порядкѣ *verborum etymologiae*, драгоцѣнныя для науки тѣмъ, что здѣсь вѣрно подмѣчены звуковыя отношенія. Значеніе Скалигера важно для филологіи уже по тому одному, что онъ первый серьезно поднялъ вопросъ объ отношеніи Греческаго языка къ Латинскому, рѣшеніемъ котораго занимались всѣ филологи до новѣйшей эпохи, открытой Боппомъ.—Обширный трудъ ближайшаго преемника Скалигера *Георга Иог. Фоссія*, *Tractatus de litterarum permutatione*, служащій введеніемъ къ *Etymologicum linguae latinae* представляетъ ясный отчетъ обо всемъ, чего могло достигнуть 17-е столѣтіе въ рѣшеніи вопроса объ отношеніи Греческаго языка къ Латинскому. Фоссій, профессоръ древнихъ языковъ въ Амстердамѣ и Лейденѣ (1577—1649), признается однимъ изъ глубокомысленныхъ голландскихъ ученыхъ. Ему обязана латинская грамматика своимъ изложеніемъ, основаннымъ на источникахъ; онъ первый разобралъ различные роды произведеній римской литературы и приступилъ къ систематическому обслѣдованію сокровищницы этого языка. Въ упомянутомъ сочиненіи Фоссія встрѣчаются еще переходы, какъ *μ* въ *ς* (*similis* отъ *μῆλος*), *ν* въ *ς* (*πλέον* отъ *plus*), *г* въ *g* (*seges* отъ *serendo*), *τ* въ *υ* (*vello* отъ *τῆλω*); кромѣ того нельзя не упомянуть, что въ частомъ ходу у него положенія *additur*, *adjicitur*, *trajicitur*. Хотя ко всему этому приводить еще примѣсь еврейскаго и удержано совершенно превратное понятіе объ отношеніи Латинскаго

языка къ Греческому, — которое, впрочемъ, тянется до послѣдняго времени, и теперь еще не всѣми брошено, — но мы все таки должны отдать справедливость остроумію Фоссія. На трудъ его слѣдуетъ смотрѣть скорѣй какъ на собраніе данныхъ этимологіи, послужившей образцомъ для составленія впослѣдствіи многихъ другихъ подобныхъ. Впрочемъ, по отношенію къ значенію словъ, Фоссій обладалъ въ такой степени проницательнымъ умомъ, что старательнымъ трудомъ его и доселѣ еще можно пользоваться.

Съ конца XVII в., именно со времени извѣстнаго геллениста Гемстергуйса, мы замѣчаемъ въ голландской школѣ особенно горячее стремленіе къ всесторонней этимологической обработкѣ Греческаго, а вслѣдствіе этого и Латинскаго языка. Таковы Фалькнера—*Observationes academicae, quibus via munitur ad origines graecas investigandas lexicorumque defectus resarciendos*; далѣе Іоан. Дан. Леннепа *Praelectiones academicae de analogia linguae* и его же болѣе обширный трудъ *Etymologicum linguae graecae*. Латинскій языкъ разсматривается въ этихъ сочиненіяхъ какъ діалектъ греческаго. Если этимологическія работы прежнихъ дѣателей основывались на предположеніяхъ и гаданіяхъ болѣе или менѣе произвольныхъ и зависѣвшихъ отъ личнаго вкуса, то въ основѣ указанныхъ сочиненій лежитъ соображеніе и переченъ дѣйствительныхъ фактовъ языка, «методъ счетный» (*calculatorische Methode*). Рункенъ въ своемъ *Elogium Hemsterhusii* превозноситъ какъ особенную заслугу его то, что «этотъ славный мужъ разсѣялъ тьму, столько вѣковъ «покрывавшую языкъ Греческій, такъ что языкъ этотъ «превосходящій богатствомъ формъ и реченій всѣ языки, «оказывается самымъ легчайшимъ для изученія», и желаетъ своему времени счастья начать и вмѣстѣ осуществить то, чего особенно желали предки. Леннепъ съ пренебреженіемъ смотритъ на прежнія попытки въ этимологіи, результатомъ которыхъ были только *ludibria* или *tot mala, bonis quibusdam mixta*, которымъ въ аналогіи не доставало Аріадниной нити, водительство которой необходимо. Аналогія Леннепа, который держится исключи-

тельно въ границахъ обоихъ классическихъ языковъ и первичными элементами языка считаетъ только первообразные глаголы, выходить изъ перечисленія этихъ первичныхъ глаголовъ. Verba bilittera (ω 1 sing praes. aet. принимается всегда за littera) можетъ быть только пять: ᾶω, ῆω, ῑω, ῑω, ῑω; trilittera раздѣляются на два порядка: въ одномъ гласная въ началѣ, βᾶω, γᾶω, въ другомъ въ срединѣ, ἄβω, ἄγω. Такимъ образомъ отъ сочетанія 11 согл. съ 5 гласными (υ, F, и дигласныя не принимаются въ расчетъ) возможны 55 trilittera. Quadrilittera (λέγω, λάγω) Леннепъ склоненъ болѣе считать за производныя, хотя даетъ мѣсто и имъ въ ряду коренныхъ словъ. Но пятибуквенные глаголы считаются уже за производные; произошли они черезъ прибавленіе въ началѣ слова гласной (ἐ—ἐλέω), или согласной (σ—ρύχω), или черезъ вставку въ средину слова гласной (ράνω отъ ράνω), или согласной (τόπτω отъ τόπω). Гораздо больше нужно смѣлости для объясненія глаголовъ болѣе чѣмъ пятибуквенныхъ, при чемъ позволительно смѣшеніе почти всякихъ буквъ. Въ тѣсную связь съ формой приведено и значеніе словъ: глаголы, различіе которыхъ между собой только въ одной гласной передъ ω, имѣютъ собственно одно общее значеніе. Такъ собственное общее значеніе глаголовъ ᾶω, ῆω и др. «заключается въ легкомъ дыханіи, «потребномъ для произнесенія этихъ самыхъ гласныхъ.» Такимъ же образомъ ἄρω, ῆρω, ράνω, ρένω считаются за одни и тѣже почти глаголы, равно какъ и другіе, болѣе близкіе между собой, но отличающіеся только соотвѣтственной согласной, напримѣръ, γᾶω и χᾶω, λέγω и λῆγω. Послѣ всего этого понятно, отъ чего Леннепъ могъ сказать, что «Греческій языкъ похожъ на садъ, «усаженный не многими деревьями, но совершенно похожими одно на другое». Гораздо важнѣе положеніе Леннепа для значенія глаголовъ: «собственное значеніе «глаголовъ—матеріальное, или указываетъ на предметы, «поражающіе наши внѣшнія чувства». Чтобы объяснить окончаніе словъ, въ широкихъ размѣрахъ примѣняется

методъ производить эти именныя окончанія изъ дѣйстви-
 тельныхъ или предполагаемыхъ окончаній лицъ глагола:
 такъ λέχος изъ предлагаемаго λέχω, γέρων изъ γέρω,
 ἀφή изъ мнимаго perf. ἤφα, ἄμμα изъ ἤμμα, λέξις
 изъ λέλεξαι, πατήρ изъ πέπαται (πάω—alo, nutrio).
 Замѣчательно, что этимъ ученымъ Голландцамъ, точно
 такъ же какъ и древнимъ грамматикамъ, употреблявшимъ
 эти же самыя приемы, и на умъ не всходило сомнѣніе
 относительно вѣрности ихъ метода для образованія именъ;
 но что прежде предлагалось, быть можетъ, какъ практи-
 ческое пособіе для учениковъ, то выставляется теперь
 какъ нѣчто несомнѣнное и неопровержимое. Впрочемъ
 промежъ мякины оказывается и нѣсколько зеренъ. Такъ
 Шейде, издатель сочиненій Лемнепа, призналъ тождество
 латинскихъ глаголовъ—такъ называемаго перваго спря-
 женія съ греческими на αω и, что гораздо важнѣе,—
 что окончаніемъ перваго л. ед. должно быть *μ*.—Из-
 вращенность такого направленія была указана еще
Готф. Германомъ въ сочиненіи его *De emendanda ratio-*
ne grammaticae graecae; впрочемъ онъ не входилъ въ раз-
 смотрѣніе началъ и не опровергалъ ихъ, такъ какъ по-
 добная работа съ его точки зрѣнія едвали была возмож-
 на.—Хотя школа голландская давно уже забыта, но
 источникъ всѣхъ ошибокъ ея далеко не изсякъ, поэтому
 не безплодно будетъ выяснить то *πρότων φεῶδος*, изъ ко-
 тораго вышло такъ много дурнаго. Это *πρότων φεῶδος*
 лежитъ въ ложномъ взглядѣ на сущность человѣческаго
 языка и на происхожденіе языковъ классическихъ, ошиб-
 ка, проникающая всѣ почти изслѣдованія прошлаго сто-
 лѣтія, въ томъ, будто посредствомъ Греческаго языка мы
 можемъ взойти къ началу человѣческаго рода. Положе-
 ніе, что не далеко за Гомеромъ колыбель человѣчества,
 такъ рѣшительно противорѣчащее теперешнимъ естествен-
 но-историческимъ теоріямъ, считающимъ по тысяче-
 лѣтіямъ,—долго считалось неопровержимымъ. Конечно,
 человѣчество это должно такъ же скоро перейти отъ не-
 ленокъ къ юношеской силѣ и полному развитію возму-
 жалости, такъ же быстро постигнуть всѣ искусства и

науки, какъ маленькій Гермесъ въ гомерическомъ гимнѣ (v, 17), который «родившись на зарѣ, въ полдень игралъ «на гитарѣ, а къ вечеру похитилъ стада Аполлона.»

Если древнѣйшій Греческій языкъ не особенно отличать отъ первичнаго языка человѣчества, или другими словами, если дѣлать Грековъ *veteres populum impropositores*, то слѣдуетъ перенести на этотъ языкъ всѣ представленія, какія только возможно составить а priori о древнѣйшемъ состояніи языка. Прежде всего относится сюда представленіе наибольшей простоты,—естественный выводъ, что самыя простѣйшія формы должно считать за первичныя, а менѣе простыя происходятъ отъ первыхъ, какъ отъ формъ коренныхъ. Смотри на дѣло съ этой точки зрѣнія, нельзя отказать этимъ голландцамъ въ строгой послѣдовательности, крайнее звѣно которой—генеалогическія попытки Ант. Шмидта, выводящаго всѣ греческія слова изъ буквы *ε* (*Organismus der Griechischen Sprache* 1836), а всѣ латинскія—изъ первичнаго элементарнаго корня *he* или *hi*. Конечно, это самая большая, достойная первыхъ людей, *simplicitas*.

Нѣмецкіе филологи, со времени Германа начинающіе устанавливать греческую грамматику и лексикографию, имѣли достаточно здраваго смысла, чтобы не затеряться въ подобнаго рода мечтаніяхъ. Они все болѣе и болѣе занимались критикой и объясненіемъ текста, выясняли и подтверждали обычные приемы языка и опровергали извращенные взгляды, устанавливали истинную науку классической древности, и не иначе какъ по извѣстному поводу вступали на скользкое поле этимологіи, которая оставалась у нихъ падчерицей филологіи. Не охотно вдавались они въ этимологическія изслѣдованія, да и то съ извѣстной улыбкой, за которой скрывалось сознаніе, что другіе въ этомъ дѣлѣ еще хуже ихъ. Чѣмъ съ меньшимъ уваженіемъ относились они къ этимологіи, тѣмъ сильнѣе они дѣйствовали другъ противъ друга общими положеніями. И въ этомъ признаетъ Курціусъ тоже самое *πρότον φεῖδος*. Въ самомъ дѣлѣ, если Готф. Германъ, который вообще такъ охотно выходитъ изъ

общихъ положеній, утверждаетъ въ упомянутомъ сочиненіи (стр. 136), что должно полагать, въ началѣ ни одна «именная форма не имѣла значенія рода, и что уже въ послѣдствіи, когда замѣчено было различіе половъ, различіе родовъ было перенесено въ область языковъ», то здѣсь мы имѣемъ то же самое заключеніе о языкѣ Греческомъ, возникшее изъ общаго и совершенно произвольнаго представленія о началѣ языка вообще. Въ подобномъ же кругу понятій вращается и Лобекъ въ своемъ *Ρηματικόν*, начинающемся такъ: «какъ живопись возникла изъ картинъ одноцвѣтныхъ, такъ и строй языковъ изъ односложныхъ словъ.» Подъ односложными разумѣтъ Лобекъ не корни, односложность которыхъ принимается безусловно, но, въ связи съ темной теоріей древнихъ грамматиковъ, *verba contracta*, какъ *δρῶ*, *λῶ*, которыя дѣлаются односложными въ 1 л. ед. наст. въслѣдствіе сокращенія. Лобекъ усиливается доказать, что въ основѣ корней съ согласнымъ характеромъ, какъ *δρεχ*, *δαх*, лежатъ корни съ гласнымъ характеромъ, *δρα*, *δα*. Въ этомъ положеніи есть своя доля правды, но какъ общее правило — оно неосновательно. И въ послѣднемъ трудѣ Лобека *Elementa patologiae graecae sermonis* тотъ же самый основной взглядъ. Ради предполагаемой простоты древнѣйшаго языка, Лобекъ болѣе склоненъ принять приставку, чѣмъ выпаденіе звука; онъ считаетъ возможнымъ производить *λεοσσω* и *βλεπω* отъ *λάω*, *βία* отъ *ίς*, *βιος* отъ *ίος*; будучи строгъ въ допущеніи синкопы, онъ принимаетъ въ довольно широкихъ размѣрахъ внутреннее увеличеніе словъ; онъ говоритъ: «значеніе первичныхъ словъ можетъ опредѣляться не словеніемъ только и производствомъ, но еще рѣшительнѣй (иногда) внутренними измѣненіями;» такимъ образомъ онъ соглашается съ древнимъ производствомъ *φῶς* отъ *φῶς*, и *φῶτος* присоединяетъ къ *ἐρι*, такъ какъ слово это есть *itus*, усиленное въ началѣ. Еще смѣлѣй у него принятіе приставокъ *πλ* въ *πλεῦρα* отъ *εὔρος*, *στ* въ *στόνος* отъ *ὄνοξ*, *πτ* въ *πτόρδας* отъ *ῥοφ*, *ορίορ*. При всемъ томъ у Лобека, даже такія попытки, на сомнитель-

ность которых онъ самъ иногда указываетъ, всегда соединены съ такой глубокой ученостью, съ такой тонкой филологической наблюдательностью и съ внимательнымъ обзоромъ преданія, что они много помогаютъ пониманію Греческаго языка; даже тамъ, гдѣ результаты его изслѣдованій не могутъ быть оправданы, самое исканіе ихъ уже драгоцѣнно по переработанному матеріалу, о чемъ не можетъ быть и рѣчи по отношенію къ Леннепу и Шейде.

Усиленіе чѣмъ кто либо изъ филологовъ древней школы занимался этимологіей классическихъ языковъ *Людвигъ Дедерлейнъ*. И для него этимологія служила скорѣй средствомъ, чѣмъ цѣлью въ его *Synonymen und Etymologien*, а особенно въ его *Homerische Glossarium*. Курциусъ, не смотря на многіе коренные недостатки его, заявляетъ о необыкновенной и подѣ часъ счастливой находчивости его и тонкомъ пониманіи языка. Методъ Дедерлейна для сопоставленія различныхъ словъ совершенно противоположенъ приемамъ Лобека и голландскихъ ученыхъ. Тогда какъ эти ученые полагали, что слова нарастаютъ, внутренно расширяются и вырастаютъ изъ возможно краткой коренной формы, Дедерлейнъ склоняется къ предположенію обратному, что древнѣйшія основныя формы были болѣе полны, а изъ нихъ въ историческое время образуются слова черезъ выпаденіе, выбрасываніе и ослабленіе звуковъ (*Abfall, Ausstossung und Verdünnung.*). Впрочемъ, при всемъ рѣзкомъ отличіи своемъ, Дедерлейнъ примыкаетъ къ категоріи прежнихъ ученыхъ. Въ основѣ всей ученой дѣятельности его лежить тотъ же самый субъективный взглядъ на древнѣйшій періодъ языка. Въ противоположность Лобеку и голландцамъ, признававшимъ глаголы, подобные $\lambda\acute{o}\omega$, рѣшительно за первичные, Дедерлейнъ считаетъ ихъ за производные посредствомъ сокращенія, твердо держась своего основнаго положенія, что «въ основной формѣ слѣва правильно чередуются согласные и гласные звуки. Греческія *neutra*, какъ $\rho\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$, $\acute{\alpha}\chi\omicron\varsigma$ для Лобека въ такой степени первичны, что онъ въ своемъ $\rho\eta\rho\alpha\tau\iota\chi\acute{o}\nu$ считаетъ ихъ за ближайшія истечения глаголовъ; для Дедер-

лейна всѣ подобныя формы не что иное, какъ укорачиваніе изъ такъ называемыхъ трихотомическихъ основныхъ формъ, напримѣръ, μένος изъ μενέτον, ἄχος изъ ἄχετον. Совершенно понятно, что въ этомъ случаѣ невозможно рѣшеніе безъ внѣшняго руководительнаго начала, и всякій новый этимологъ будетъ считать за первичную ту форму, которая больше всего подходитъ подъ его субъективныя представленія о древнѣйшемъ состояніи языка. И неужели кто-нибудь можетъ еще воображать, что возможно построить языкъ аргіогі точно также, какъ въ былое время объясняли устройство государства вострѣчей первобытныхъ людей и тѣми ощущеніями, которыя каждый изъ нихъ пробуждалъ въ другомъ?—Древнѣйшій языкъ долженъ быть на столько же простъ какъ и жизнь людей, говорившихъ на немъ. Но съ такой же увѣренностью можно утверждать и противоположное: органы первыхъ людей были крѣпче, чувства живѣе, слѣдовательно, они могли пользоваться и звуками болѣе полными и труднѣе выговариваемыми, чѣмъ слѣдующія за ними генерации, изнѣженные культурой. На этомъ пути гипотезъ нельзя достигнуть цѣли, и при всей возможной сдержанности въ ученыхъ работахъ едвали возможно рѣшеніе ихъ.

III.

Филиппъ Бутманъ.

Сравнительное языкознаніе предложило этимологіи болѣе прочную основу. Прежде, однако, чѣмъ перейдемъ къ обзору этой новѣйшей эпохи, мы должны съ благодарностью вспомнить объ ученомъ, который, до открытія этого новаго руководящаго начала, безспорно болѣе всѣхъ содѣйствовалъ къ разъясненію строя Греческаго языка. Филиппъ Бутманъ обладалъ въ такой степени глубокимъ смысломъ осторожнаго и проникающаго языкоислѣдователя, что нельзя не пожалѣть, что онъ не конулся богатаго сокровища, еще при жизни его открытаго Гриммомъ и Боппомъ, и, конечно, онъ много содѣй-

ствовалъ бы къ распространенію этого новаго свѣта. Бутманъ особенно въ двухъ отношеніяхъ имѣеть преимущество предъ тѣми, кто стоялъ на одной почвѣ съ нимъ. Онъ обладалъ смысломъ и чутьемъ касательно жизни языка, онъ не усиливался подводить его подъ вымышленныя или перенятые отъ другихъ схемы, а старался понять его изъ него же самого. Поэтому изъ говоровъ, вовсе исключенныхъ Лобекомъ изъ изслѣдованія, онъ дѣлаеть правильное употребленіе, съ счастливымъ тактомъ отыскиваетъ первоначальныя слова и разлагаетъ ихъ вѣрнѣе, чѣмъ кто-либо прежде него. Поэтому Бутманна можно назвать предтечей историческаго языкоизслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, онъ въ большей степени, чѣмъ всѣ филологи прежде и послѣ него, разсматриваетъ языкъ какъ силу естественную и вмѣстѣ какъ произведеніе этой силы. Лобекъ показываетъ вполне величіе свое въ тонкихъ подраздѣленіяхъ богатаго матеріала, въ указаніи значимости родовъ словъ, и уже на этомъ основаніи онъ беретъ за устраненіе извращеннаго, за исправленіе непонятаго, — онъ разсматриваетъ языкъ существенно съ точки зрѣнія критическаго и экзегетическаго мастера, вслѣдствіе чего и позднѣйшее имѣеть для него такую же прелесть, какъ и древнѣйшее. Лобекъ рѣшительно не можетъ отрѣшиться отъ субъективной точки зрѣнія, невольно передъ глазами его носится *pōtūm impositor*, и на немъ показываетъ онъ свое критическое искусство. Совершенно иное Бутманъ. Его интересуютъ начала, отсюда прежде всего гомерическій языкъ, гдѣ не можетъ быть и рѣчи о намѣренномъ словообразованіи или о такъ называемой выработкѣ посредствомъ культуры. Съ помощью рѣдкаго глубокомыслія, при своемъ методѣ образцово-ясномъ и всюду дышащемъ свѣжестью, онъ умѣетъ объяснять смыслъ многихъ полупонятныхъ гомерическихкихъ словъ. Трудности этимологии были такъ хорошо сознаны имъ, что онъ держится правила — искать объясненія трудныхъ словъ прежде всего въ употребленіи и уже потомъ въ предполагаемомъ происхожденіи. Ни одинъ современный филологъ не понималъ такъ ясно

недостатковъ грамматической традиціи и не способствовалъ такъ многосторонне обработкѣ Греческаго языка, какъ единаго цѣлаго, выращеннаго природой. Несомнѣнно, онъ не избѣжалъ при этомъ и многихъ ошибокъ. При возведеніи словъ къ ихъ корнямъ и при указаніи взаимнаго родства ихъ между собой, Бутманнъ старается добыть твердые фонетическіе законы, но поступаетъ при этомъ какъ диллетантъ; такъ онъ съ особеннымъ предпочтеніемъ допускаетъ переходъ *aspiratae* въ *tenues* ($\alpha\chi\eta$ изъ α privativum $\chi\alpha\iota\nu\omega$ и $\chi\alpha\iota\omega$), и вообще представляетъ себѣ въ ложномъ свѣтѣ древнѣйшій языкъ, полагая, будто онъ въ звукахъ своихъ былъ неопредѣленъ и грубъ (rauhgriechisch. Lexilogus I, 121), и что онъ установился только постепенно (Lexilogus II, 241 anm). Здѣсь выказывается тоже самое основное представленіе, разобранное выше. Вполнѣ, однако, заблуждается Бутманнъ, когда онъ для сравненія беретъ нѣмецкія слова, что случается не рѣдко. Этимъ далъ онъ толчекъ многимъ бреднямъ въ дѣлѣ этимологіи, ибо естественно для нѣмца имѣло особенную прелесть пользоваться для объясненія греческихъ словъ, гдѣ только можно, любимымъ отечественнымъ языкомъ, хотя бы и безъ знанія Готскаго, Древненѣмецкаго, и даже безъ знакомства съ законами фонетическими. Во всемъ этомъ выражается какъ бы мщеніе за то, что Бутманнъ даже въ 1825 г. слѣдовательно, 6 лѣтъ послѣ перваго и 3 года послѣ втораго изданія Грамматики Гримма, 9 лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ системы спряженія Боппа, не обращался къ этимъ сочиненіямъ, составляющимъ эпоху. При всемъ этомъ нельзя не признать великихъ заслугъ Бутманна, и доселѣ служащаго для насъ образцомъ особенно въ томъ, что касается различенія значеній въ словахъ. При изслѣдованіи языка гомерическаго и теперь еще слѣдуетъ обращаться къ Бутманну, котораго ясныя и основательныя сближенія пробуждаютъ много глубокихъ соображеній.

IV.

Сравнительное языкоизслѣдованіе.

Что Греческій языкъ вмѣстѣ съ Латинскимъ составляетъ только звѣно въ длинной цѣпи, тянущейся изъ Индіи до запада Европы, это доказаль болѣе полувѣка тому назадъ Францъ Боппъ анализомъ строя языка и грамматическихъ формъ. Объ этомъ новомъ пути можно сказать только то, что онъ совершенно вѣренъ. Боппъ началъ свои изслѣдованія съ разложенія формъ языка, такъ какъ эта сторона представляетъ менѣе всего трудностей; и при этомъ согласіе флексій, особенно глагольных, оказалось въ такой степени поразительнымъ, что убѣдиться въ этомъ было легче всего. Занимаясь главнымъ образомъ формами грамматическими, онъ рѣдко и то мимоходомъ обращался къ значенію словъ въ сочиненіяхъ своихъ *Vergleichende Grammatik* и *Glossarium Sanscritum*. Собственно сравнительный этимологъ есть *Авг. Фридр. Поттъ*. Его *Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der indo-germanische Sprachen*, представляющія въ себѣ богатѣйшее сокровище поразительныхъ сравненій, глубокомысленныхъ и всегда поучительныхъ комбинацій, выступили съ такой лингвистической ученостью, которая уже въ этой одной книгѣ можетъ изумить cadaго. Послѣдующія сочиненія этого автора, обнимающія языки всѣхъ частей свѣта, показали, что для него слишкомъ тѣсна сфера, ограниченная частью Европы и Азіи. Распространенію новой науки, быть можетъ, не особенно благопріятствовало то, что прежде чѣмъ Боппъ привелъ къ концу свои такъ мастерски выведенныя представленія о строѣ языка, выступилъ въ той же области изслѣдователь пылкаго, увлекающагося характера, часто склонный къ парадоксамъ, каковъ Поттъ. При этомъ ученые знатоки греческаго и римскаго міра не переставали свысока и съ пренебреженіемъ довольно долго относиться къ этому новому направленію, и если въ послѣдствіи они, хотя невольна, должны были признать его законность, то это не мѣшало имъ отсылать санскри-

тистовъ и индіанистовъ, какъ недостойныхъ классической почвы, къ Гангу и Браминамъ,—обстоятельство, которое останется навсегда темной стороной въ исторіи новой науки. *Оттфридъ Мюллеръ* первый изъ этого круга ученыхъ созналъ великое значеніе сравнительнаго направленія. Впрочемъ, надо сознаться, что труды прежнихъ сравнительныхъ языкоислѣдователей, въ особенности касающіеся изслѣдованія словъ, скорѣе не благоприятствовали тому, кто желалъ бы ознакомиться съ новымъ методомъ изслѣдованія и его результатами; они потребовали бы отъ такого любопытнаго продолжительныхъ и усиленныхъ занятій, въ то время такъ мало доступныхъ; къ тому же въ нихъ, рядомъ съ несомнѣнными данными, стояли въ высшей степени смѣлыя и подчасъ рѣшительно ложныя комбинаціи, что должно было многихъ отклонять отъ этого пути. При всемъ томъ должно признать, что почти все, къ чему только дошли по этой дорогѣ въ объясненіи греческихъ словъ, основывается на Поттѣ, который съ тонкой внимательностью составлялъ свои сравненія и избѣжалъ многихъ ошибокъ, въ которыя впади другіе ученые. —Послѣ капитальнаго труда Потта, Греческій языкъ дѣлается центромъ новой работы индогерманскаго сокровища словъ въ *Griechische Wurzellexicon Бенфея* (Berlin 1839 и 1842). Въ сравненіяхъ и сближеніяхъ своихъ Бенфей опирается исключительно на фонетическихъ отношеніяхъ Санскрита; потому его метода, невѣрная въ своемъ основаніи, ведетъ ко многимъ заблужденіямъ. При всемъ этомъ греческая этимологія обязана значительнымъ обогащеніемъ своимъ остроумію этого ученаго и его способности сопоставленія. *Лео Мейеръ*, ученикъ Бенфея, вполне разделяетъ взглядъ своего учителя. Въ короткихъ статьяхъ своей *Vergleichende Grammatik des Griechischen und Lateinischen Spr.* онъ представляетъ много этимологическихъ сопоставленій, но они въ чрезвычайно сжатомъ видѣ и безъ всякаго основанія. Совершенную противоположность представляетъ *Гуго Веберъ*. Въ своихъ *Etymologische Untersuchungen* онъ выводитъ цѣлый

рядъ греческихъ корней и при этомъ съ величайшимъ вниманіемъ входитъ въ разборъ каждой частности. Увлекательный трудъ *Пикте*—*Les Origines Indo-Européenes ou les Aryas primitifs* содержитъ богатые данныя для этимологии и представляетъ много интересныхъ, хотя часто слишкомъ смѣлыхъ, сопоставленій. Этотъ ученый поставилъ себѣ задачей изобразить древнѣйшую культуру индогерманцевъ по способу, указанному Куномъ, именно на основаніи данныхъ языка. Особенно важенъ для этимологии вообще, и въ частности для греческой, журналъ Куна, *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen*. Здѣсь помѣщаются сочиненія самыхъ извѣстныхъ языкоислѣдователей: *Ауфрехта*, *Эбеля*, *Макса Мюллера* и самого *Куриуса*, и каждый томъ этого журнала составляетъ драгоценный вкладъ въ науку. Не менѣе важенъ другой журналъ, издаваемый Штейнталемъ и Ланцарусомъ, *Zeitschrift für Volkerpsychologie und Sprachwissenschaft*, разрабатывающій, кромѣ внѣшней стороны языка, преимущественно внутреннюю его сторону, именно развитіе значенія словъ и опредѣленіе глубокой психологической основы, лежащей во всѣхъ проявленіяхъ языка—отъ отдѣльных формъ до обширнѣйшихъ сказаній, составляющихъ область народной поэзіи. Яковъ Гриммъ, Миклошичъ и Шлейхеръ въ своихъ специальныхъ изслѣдованіяхъ мимоходомъ предлагаютъ важныя объясненія и для греческой этимологии. Наконецъ едва ли надобно упоминать, какъ обыкновенно важны для греческой этимологии сочиненіе Giese, *Ueber den aölischen dialect* и обстоятельнѣйшій трудъ Аренса *De graeca linguae dialectis*.

Выше мы видѣли, что на многіе вопросы, неизбежные при этимологическомъ изслѣдованіи, невозможно было отвѣчать, стоя на пути абстракціи и догадокъ. Родство языковъ послужило теперь для многихъ случаевъ руководительнымъ началомъ, такъ что многіе изъ этихъ вопросовъ рѣшились съ перваго взгляда. Въ этомъ случаѣ произошло то же, что и въ дѣлѣ критики какого-нибудь писателя по открытіи новыхъ рукописей; мѣста, ко-

торыя безуспѣшно старались выправить по догадкамъ, исправляются часто сами собой, лишь только рукопись болѣе древняго происхожденія представляетъ намъ другое чтеніе. Съ открытіемъ такой рукописи выступаетъ для насъ впервые въ истинномъ свѣтѣ отношеніе извѣстныхъ доселѣ критическихъ пособій, и на почвѣ цѣлаго ряда собранныхъ манускриптовъ, расположенныхъ по семействамъ, критика текста достигаетъ твердой основы. Каждый отдѣльный языкъ Индогерманскаго племени можно считать спискомъ затеряннаго первоначальнаго кодекса. Ни одинъ изъ нихъ не представляетъ собой неизмѣннаго вида первоначальнаго текста, но всѣ, вмѣстѣ взятые, они важны для насъ какъ древнѣйшее свидѣтельство о томъ состояніи, которое не извѣстно намъ непосредственно, но которое, по крайней мѣрѣ, во многихъ случаяхъ близко къ первоначальному. Каждый списокъ имѣетъ свои особенные правильно повторяющіеся недостатки, которые однако взаимно исправляются; мы можемъ расположить ихъ по степени ихъ важности, а для большей части изъ нихъ указать еще и второстепенный источникъ, общій только нѣкоторымъ изъ нихъ. Если мы состояніе Индогерманскихъ языковъ до раздѣленія ихъ обозначимъ черезъ А, то Греческій (О) и Латинскій (D) не вытекаютъ изъ него непосредственно, но оба пойдутъ по потерянному для насъ апографу (В), Греко-италійскому, который непосредственно вытекъ изъ А. Такое же точно отношеніе между Санскритомъ, по своей отчетливости и правильности, занимающимъ первое мѣсто между списками семействъ А и Персидскимъ; далѣе между чтеніями Германскаго съ одной стороны и Литовско-Славянскимъ съ другой, опять существуетъ тѣсная связь. Въ этимологическихъ вопросахъ желаніе ограничиться однимъ какимъ-нибудь языкомъ на столько же незаконно, какъ если бы кто-нибудь, изучая Плавта, не обращался къ Ambrosianus и vetus codex, или изучалъ бы Софокла, оставивъ безъ вниманія Laurentianus. Дѣйствительно, не всѣ, имѣющіяся у насъ свидѣтельства объ Индогерманскомъ языкѣ до его отдѣленія, могутъ быть прочитаны; отъ пере-

дачи этого матеріала изъ одного поколѣнія къ другому происходить значительные недоговоры; недостаетъ свидѣтельства то одного, то другаго языка; не всегда и не въ одинаковой степени всѣ они необходимы для извѣстнаго опредѣленнаго вопроса. Однако, вслѣдствіе этого, не принимать этихъ самыхъ свидѣтельствъ было бы въ такой же мѣрѣ неразумно, какъ если бы кто-нибудь, довольствуясь находящимися у него подъ рукой списками, рѣшился не обращаться къ другимъ спискамъ изъ-за того, что въ нихъ встрѣчаются разрывы и недописки. Часто повторявшееся положеніе, будто сначала должно изучать какой бы то ни было языкъ въ предѣлахъ его одного исключительно, и уже потомъ заниматься родственнымъ, теперь совершенно потеряло свою цѣну. Языки до своего отдѣленія не были, какъ все еще предполагаютъ нѣкоторые, чѣмъ-то грубымъ, съ самымъ скуднымъ числомъ корней, чѣмъ-то не сложившимся; напротивъ, по своему строю, они были совершенны вполнѣ и всецѣло. Задача языкоислѣдователя не въ томъ, чтобы показать, какъ слагался этотъ хаосъ, эта сырая первобытная матерія; она скорѣй походить на дѣло историка искусства, который полные жизни образы цвѣтущаго періода объясняетъ изъ строгихъ и рѣзкихъ типовъ древнѣйшаго основнаго періода искусства. Обращаться къ этому болѣе раннему состоянію даже неизбежно. Греки не сами создали свой языкъ, они только переработали удивительнымъ образомъ свое богатое наслѣдство. Итакъ вообще, кто хотѣлъ бы заняться началомъ слова, тотъ долженъ всюду осмотрѣться, не бросаютъ ли родственные языки особеннаго свѣта на явленія отдѣльнаго языка, и только въ такомъ случаѣ онъ имѣетъ право ограничиться какимъ-нибудь отдѣльнымъ языкомъ, когда поиски его въ области другихъ языковъ окажутся тщетными.

Старая этимологія колебалась между взглядомъ, по которому данныя греческія формы произошли изъ кратчайшихъ и простѣйшихъ, и взглядомъ обратнымъ, по которому они возникли изъ древнѣйшихъ, болѣе длинныхъ и полныхъ, помощію ослабленій и сокращеній. Сравни-

тельное языкоислѣдованіе высказывается рѣшительно въ пользу послѣдняго взгляда. Если, напримѣръ, мы находимъ въ Санскр. корень *vas*, въ Лат. *ves* (*ves—ti*) въ Готск. *vas* (*go—vas—jan*) въ значеніи «одѣвать», то этимъ самымъ уже прекращается всякое сомнѣніе относительно того, есть ли упомянутыя формы какъ бы настаніе греческаго *ε* отъ *ἔν-υο-μι*, или же наоборотъ, быть можетъ, въ греческомъ звукѣ *ε* мы должны видѣть слѣды *F* сообразно съ несовѣтъ еще прекратившимся взглядомъ, будто *F* преимущественно служить къ усилению начальной гласной, — или же скорѣй мы должны разсматривать это *ε* какъ остатокъ первоначальнаго состоянія; конечно, *vas* есть форма древнѣйшая, засвидѣтельствованная трижды, исторически переданная, начинать съ которой неотразимо требуетъ критика. Наоборотъ, если въ Санскр. Латинск. Готск. Литовск. и Славянскомъ встрѣчаемъ мы корень *i* въ значеніи *ит-ти* и находимъ тотъ же самый корень въ Греческомъ *ἔρι*, *ἱ-μεν*, то мы никакъ не можемъ дозволить себѣ догадываться вмѣстѣ съ Лобекомъ, будто этотъ корень въ словѣ *φῶι—τος* получилъ губное наращеніе съ начала (*Anlaut*), ничѣмъ не мотивированное; гораздо скорѣй мы должны указать этому послѣднему слову особенный корень. Такимъ образомъ, идя все далѣе впередъ, сравнительный языкоислѣдователь достигаетъ того періода, въ которомъ сами корни языка получаютъ особеннаго рода прибавки. Какъ бы то ни было, слова вырастаютъ только изъ соединенія матерій языка (корней) съ элементами его формы (т. е. флексій и образованія), при чемъ имѣютъ все свое значеніе соединенныя съ ними и легко узнаваемые явленія вокализма. Всякая другая фонетическая перемѣна держится на коренномъ законѣ исторіи языка, на томъ, что Боппъ называетъ *Entartung* (вырожденіе), а Курціусъ ближе опредѣляетъ его словомъ *Verwitterung* (улетучиваніе звуковъ), нисколько не выражая этимъ намека на вымирание языка.

Когда такимъ образомъ, съ помощію сравнительнаго языкоислѣдованія, всякая коренная фонетическая пе-

ремѣна стала подводиться подъ одну прочную мѣрку, то отъ этого самаго этимологія каждаго языка, принадлежащаго къ одному и тому же кругу, выиграла неизмѣримо много. И старинной этимологіи удалось дойти до положенія, что греческій *spiritus asper* равенъ латинскому назвучному, т. е. начинающему слово *s*; но который изъ этихъ двухъ звуковъ древнѣе,—греческому ли *σπρ*, или латинскому *semi* слѣдуетъ отдать первенство, объ этомъ она или вовсе не спрашивала, или же отвѣчала разнорѣчиво, чаще всего любимой, ни на чемъ не основанной теоріей о сгущеніи придыхательнаго звука. Сравнительная этимологія, по большинству языковъ, рѣшила этотъ вопросъ въ пользу первенства *s* и, сообразно съ кореннымъ направленіемъ въ переходѣ звуковъ, признала позднѣйшее происхожденіе *spiritus asper*. Не менѣе поразительны были результаты новаго языкоизслѣдованія и по отношенію къ анализу формъ языка; особенную важность имѣетъ въ этомъ случаѣ правильное и строгое отдѣленіе корня отъ окончанія. Еще до Дедерлейна коренная форма именъ (*Nominum*) была именительный падежъ, а глаголовъ—1 лиц. наст. вр., и даже Лобекъ не пошелъ далѣе этого взгляда. Теперь, руководясь правильной теоріей о корняхъ, мы получаемъ совершенно другой взглядъ и потому самому часто другіе результаты. И для третьей стороны въ этимологической дѣятельности, именно для приведенія въ порядокъ близкородственного матеріала, открылось чрезвычайно много новаго; сразу и въ самыхъ разныхъ языкахъ оказалась громадная масса формъ языка и словъ, непосредственно соответствующихъ одно другому, а въ этомъ самомъ дается значительный рядъ словъ для этимологической обработки каждаго отдѣльнаго языка.

Впрочемъ, ошибочно думать, будто собственная и главная работа языкознанія уже кончена. Этимологія, указавши на родственное отношеніе и основные законы языка и перечисливъ значительное количество словъ, общихъ многимъ языкамъ, такъ же мало покончила съ своимъ матеріаломъ, какъ критика текста не все сдѣла-

ла, раздѣливши рукописи на фамиліи и предложивши извѣстный рядъ улучшеній съ помощью списковъ, до сихъ поръ мало употреблявшихся. Это—только основаніе, на которомъ начинается болѣе трудная и болѣе тонкая работа. Не всѣ звуковые переходы такъ ясны, какъ показывается съ перваго взгляда; богатая и запутанная ткань языка представляетъ много особенностей, которыя только постепенно подмѣчаются взглядомъ, умудреннымъ опытомъ. Вслѣдствіе процесса улетучиванія, первоначально совершенно различныя формы могутъ дѣлаться до такой степени похожими или прямо схожими, что мы можемъ сомнѣваться, куда принадлежитъ данная форма. Греческій *spiritus asper* то появляется изъ первоначальнаго *s* въ членѣ—*ō*, санскр. *sa*, то изъ *j* въ относит. мѣст. *o*—*s*=санскр. *ja*—*s*, то изъ *spiritus lenis* въ *ἴππο*—*s*=санскр. *aśvas*, лат. *equus* (основ. фор. *ak—va—s*). Возможныя сомнѣнія рѣшаются здѣсь помощію только болѣе точнаго изслѣдованія каждаго отдѣльнаго элемента, и особенно наблюденіемъ надъ значеніемъ; впрочемъ, такихъ случаевъ, гдѣ намъ придется рѣшать между разныхъ возможностей, очень много. Границы области нѣкоторыхъ звуковыхъ законовъ и особенныхъ свойствъ звуковъ распознаются медленно и постепенно. Послѣ увлеченій и безпорядочной горячности въ области языкоизслѣдованія наступило отрезвленіе, и по справедливости пріобрѣтаетъ все болѣе значенія особая жизнь отдѣльныхъ языковъ, развернувшаяся на основаніи общаго наслѣдства. Если мы прибавимъ къ этому болѣе широкіе и болѣе трудные вопросы о развитіи значенія словъ, то увидимъ, на сколько неисчерпаема еще задача языкознанія, и какъ безконечно велика работа въ этой области.

М. Григоревскій.

(Продолженіе будетъ.)